Мао Цзэдун

любовь и страх Великого Кормчего

ЛАБИРИНТЫ ИСТИНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В чем же заключалась тайна обаяния Мао Цзэдуна? Почему миллионы людей приходили в экстаз от одного его появления? Почему ему прощались ошибки и заблуждения, приводящие к трагедиям едва ли не мирового масштаба? Как можно было одним проявлением характера, презрев экономические законы, выдернуть из феодальной нищеты целую страну? Что это такое — харизма лидера, заставившая историю идти другим, несвойственным ей, путем? В чем секрет современного китайского феномена?

На эти и другие вопросы дает ответы данная книга. Адресована широкому кругу читателей.

- М. Смирнова (Ред.)
  - Книга перемен Мао Цзэдуна
  - Часть I
  - Часть II
  - Часть III
  - Часть IV
  - Часть V
  - Путь Мао
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

М. Смирнова (Ред.)
Мао Цзэдун. Любовь и страх Великого Кормчего

Книга перемен Мао Цзэдуна

Мао Цзэдун поражал своей энергией. Он был женат то ли три, то ли четыре раза, сколько у него детей, точно не знал, и даже ближе к семидесяти годам мог одновременно удовлетворить нескольких женщин. И чем моложе были девушки, греющие ему постель, тем большие чудеса выносливости и изобретательности он демонстрировал. Но откуда бралась в нем эта кипучая жизненная сила?

Сегодня специалисты по биоэнергетике назвали бы Цзэдуна энергетическим вампиром. Он черпал энергию не только из близких людей, но и из многомиллионного китайского народа. Одно появление его перед толпой вызывало массовую истерию — люди впадали в экстаз, сродни религиозному, у них учащался пульс, на глаза выступали слезы восхищения и поклонения.

Вся государственная машина работала на возвеличивание его имени. В шестидесятых годах двадцатого века было выпущено порядка 200 миллионов красных книжиц с цитатами из Мао на любые случаи жизни. Люди заучивали их как мантры и повторяли поодиночке и хором в течение всего дня.

Возвеличиванию Цзэдуна способствовала не только его несомненная харизма, но и редкий талант интригана и манипулятора. Выросший на легендах и преданиях, описывающих, как одна династия сменяла другую, и прославляющих хитрость и изворотливость, он еще в раннем детстве научился определять слабые места любого человека и виртуозно играл на чувствах окружающих. Он умел входить в доверие и располагать к себе самых разных людей. С крестьянином он говорил как крестьянин, с солдатом — как солдат. Он с равным аппетитом мог пообедать за шикарным европейским столом, а мог съесть горсть риса из щербатой миски.

Именно на нем дала трещину теория Ленина о роли личности в истории. Опираясь на народ, Мао Цзэдун перевернул ход истории огромной державы. Он претворял в жизнь самые безумные социальные эксперименты и несмотря на то, что они привели к гибели миллионов людей, навсегда остался в сердце своего народа как Великий Вождь и Небесный Отец, недосягаемый и несокрушимый.

Но при этом Великий Кормчий отнюдь не ощущал себя столь великим и богоподобным. «Во мне есть и тигр, и обезьяна, — писал он в письме своей третьей жене в последние годы жизни, — но больше я ощущаю себя обезьяной, которая веселится в горах, пока туда не придет тигр. Я все так же сомневаюсь в себе и даже

могу сказать, что не всегда сам себе верю…»

Мао Цзэдун умер на 83-м году жизни, и даже после его смерти колосс на глиняных ногах, который он слепил из полуфеодальной, нищей и безграмотной страны, не рухнул, а устоял. И сегодня ведущие экономисты мира всерьез говорят о новой сверхдержаве и советуют присмотреться к юаню как к возможной будущей мировой валюте.

Часть I
Чжунь. Начальная трудность

Трехлетний малыш, сосредоточенно пыхтя, слезал с высокой деревянной ступени. Он никак не мог попасть ногой в сандалию, из-за этого злился и ворчал под нос, подражая отцу. Его рубашка задралась, оголив смуглую попку, но он не просил помощи, намереваясь самостоятельно одержать великую победу над непослушной обувью. Мать стояла неподалеку и наблюдала за упорным сыном. Ее нельзя было назвать красавицей: лицо с мелкими чертами казалось бы блеклым и невыразительным, если бы в глазах не пряталась постоянная добрая улыбка.

— Куда опять собрались? — строгий окрик мужчины застал женщину с малышом врасплох. — Дома дел мало?!

— Мы только в храм и обратно, — голос женщины был покорным, но те, кто знал ее поближе, знали, что покорность эта показная — Вень Цимей редко вступала в спор, но умела настоять на своем. — Сегодня полнолуние.

Мужчина молчал, сурово поджав губы и осуждающе глядя на жену. Он не очень приветствовал приверженность Цимей буддистским традициям, но возражать не смел. Конфуций учил с уважением и почтением относиться к богам, и пусть Будду нельзя было назвать богом в прямом смысле этого слова, он, безусловно, был одним из самых почитаемых и авторитетных предков. Найти достойный повод для того, чтобы оставить жену дома, было сложно еще и потому, что в полнолуние на самом деле было важным днем — буддистские монахи исповедовались в грехах, а миряне слушали их поучения, читали мантры и медитировали. Сам приверженец различных ритуалов и строгого соблюдения раз и навсегда заведенной последовательности действий, Мао Женшень не мог объявить желание жены пойти в храм глупым и недостойным.

С другой стороны, его мучила ревность — буддийский храм был открыт и для мужчин, и для женщин, и — кто знает, что у нее на уме?! Цимей вполне могла улучить момент и. На этом месте мысль Женшеня, как правило, давала сбой, а вот эмоции дорисовывали такие картинки, что кровь ударяла мужчине в голову.

Женщина прекрасно знала своего мужа и поэтому только молчала, спокойно и внимательно глядя в его глаза. Кто знает, сколько бы длился этот молчаливый поединок взглядов, если бы малыш, почувствовав нарастающее напряжение, не дал рева.

Отчаянный плач заставил родителей вздрогнуть и переключить внимание на ребенка. Цимей подалась к сыну, чтобы успокоить его, а Женшень нашел достойный объект для того, чтобы излить недовольство.

— А ну, замолчи! Сколько раз тебе говорить, что кричать — недостойно мужчины?! Как тебя еще воспитывать?! — мужчина подскочил к сыну и шлепнул его ягодицам. От таких увещеваний ребенок разрыдался еще сильнее и попытался спрятаться под юбку матери.

— Ах, ты не хочешь слушать отца?! Ну, подожди у меня!

— Женшень, он же ребенок! Ты сам напугал его своим криком. Дай нам уйти, по пути он успокоится, а потом ты еще раз объяснишь ему, как надо себя вести…

— Не спорь со мной! Вечно ты защищаешь своего любимца! Вот увидишь, испортишь мальчишку, он тебе стакан воды перед смертью не подаст!

Мао Женшень, сам того не ведая, очень точно предсказал будущее. Возмужавший и добившийся огромных высот, Мао Цзэдун не пришел к постели умирающей матери. «Я хочу запомнить ее молодой и красивой, а не больной и слабой», — объяснял он своим близким. На самом деле, не признаваться же им, что богоподобный и непогрешимый, перевернувший ход истории огромной страны, пожертвовавший ради своих идей жизнями миллионов соотечественников, Мао больше всего на свете боялся смерти.

* * *

При рождении (а он родился в 1893 году) мать дала Мао Цзэдуну тайное имя Ши, что означало «Камень». По буддистским верованиям такое имя должно было закалить характер ребенка, сделать его неуязвимым для врагов. Но звать кроху коротким грозным именем было смешно, поэтому Цимей продлила его, добавив несколько традиционных слогов. В результате в семье Цзэдуна звали Шисаньяцзы — «третий ребенок по имени Камень». Это звучало более мягко и безобидно.

Именам в Китае всегда предавалось огромное значение, имя было оберегом, оно же формировало характер человека, определяло его судьбу. Каждый слог в имени нес определенный смысл, и не один. А чтобы все это вместе на самом деле соответствовало действительности, настоящее имя ребенку давали не при рождении, а гораздо позже.

Так маленький Ши не вполне оправдывал свое детское

прозвище. Был он боязлив и робок, боялся темноты, везде ходил за матерью и не торопился взрослеть. Но родителям хотелось верить, что их сына ожидает великое будущее. Когда ему исполнилось пять лет (это рубеж, когда мальчики признаются взрослыми, и им поручается посильная домашняя работа), родители дали младшему Мао второе имя. С ним пришлось повозиться. Мать настаивала, чтобы это имя соответствовало буддийским верованиям и было связано с водой. По ее мнению, это должно было придать любимому сыну необходимую гибкость и вместе с тем силу. Вода обтекает преграды, но если русло перекроет запруда, вздувшаяся река способна снести все на своем пути.

Отец, втайне мечтавший, что сын продолжит его дело (по сути, он был мелким спекулянтом зерном — скупал урожай у соседей и продавал его втридорога в город), мечтал о величии семьи и выбрал имя, дарующее влияние и власть. После долгих споров удалось подобрать имя, удовлетворившее обоих — Цзэдун. Иероглиф Цзэ имеет неоднозначное значение: его можно перевести как «влага и увлажнять», а можно как «милость, добро, благодеяние». Второй иероглиф — «дун» — означает «восток». Таким образом, Цзэдун — это или «Омывающий Восток» или «Благодетель Востока». Понятно, что библиографы Великого Кормчего делали упор на втором значении.

Но и этими именами родители не ограничились. Дело в том, что для торжественных случаев и специальных церемоний необходимо было подобрать еще одно имя. Оно считалось уважительным, возвышающим и должно было использоваться в исключительных случаях. Цимей хотела, чтобы Цзэдуна в таких случаях величали Юнчжи: «Юн» — воспевать, «чжи» — орхидея. Женшень возмутился — имя получалось откровенно женским и не несло никаких признаков власти или величия. Как это ни странно, традиции на этот раз оказались на его стороне. С точки зрения геомантии (эта наука о взаимосвязи сущего до сих пор почитается в Китае), для гармоничного развития ребенка в величательном имени должен был присутствовать главный признак второго имени. В данном случае, это была «влага», «вода». В конце концов нашелся вариант Жуньчжи — «жунь» в значении «вода» создавал имя «Орошенная орхидея», но при несколько ином написании второго иероглифа «чжи» — полностью менял смысл выражения. «Благодетель всех живущих» — вот как можно перевести второе значение величательного имени Мао Цзэдуна. Наверное, нет смысла объяснять, почему этот вариант устроил всех.

Однако еще одно противоречие, пагубное с точки зрения

геомантии, так и не было устранено. Имя Ши в значении «камень» никак не сочеталось с последующими именами, в корне которых прослеживался смысл «вода». Может быть, этим и объяснялось то, что все грандиозные замыслы китайского лидера, претворяемые им в жизнь с огромной энергией и размахом, приводили совсем не к тем результатам, которых от них ждали? Что все жертвы, принесенные Вождем, оказались напрасными, а народ Поднебесной, который он хотел видеть в величии и богатстве, прозябал в нищете и невежестве? Как писал Мао Цзэдун в одном из последних писем: «Я все еще утверждаю, что Китай ждет светлое будущее. Но пути к нему крайне извилисты».

* * *

Маленький Ши вцепился в юбку матери и часто переставлял ноги, чтобы успеть за ней. Его сердце замирало от восторга и страха — праздник Уламбана был его любимым праздником, но, вместе с тем, заставлял его подвывать от сладкого ужаса.

В день Уламбана открывались двери ада, и демоны и злые духи вырывались на свободу.

Шисаньяцзы помнил страшную сказку, которую мама рассказывала ему с братьями много раз. Однажды ученику Будды — Маудгальяяну — привиделся образ его матери, страдающей в царстве голодных духов. Несчастная женщина после смерти оказалась в этом царстве, потому что при жизни съела кусок мяса в постный день, но не призналась в этом. Теперь она мучилась от голода и жажды, но ничем не могла утолить их. Маудгальяян уже достиг той стадии просветления, что мог пересекать границы миров. Он спустился в царство голодных духов, отыскал там свою мать и попробовал накормить ее, но пища во рту грешницы сразу превращалась в горящие угли. Тогда ученик воззвал к учителю и пообещал любые жертвы, лишь бы искупить вину матери и избавить ее от страданий. И Будда объяснил ученику, что его мать нуждается в особых молитвах, которые позволят ей переродиться в лучшем мире. Маудгальяян преподнес монашеской общине щедрые дары, и благодаря молитвам монахов его мать была избавлена от мучений.

Ши смотрел на свою маму и представлял, как он спускается в царство духов, чтобы спасти ее, как благодарная мать обнимает его, и говорит, что он — лучший из сыновей, ведь только ему оказалось под силу побороть страшных голодных духов. Каждый раз в этот момент внутри мальчика что-то сладко замирало и начинало подсасывать под ложечкой. В то же время в голове его

проносились опасения, что голодные духи, раздосадованные вмешательством в их дела, будут не прочь оставить у себя зарвавшегося героя. И тогда перед глазами вставали кошмарные видения — он окружен демонами, пьющими его кровь, а во рту у него — горящие угли.

Сколько раз он просыпался с плачем от этих видений! Доходило до того, что мальчик, невзирая на строгий запрет отца и насмешки братьев, забирался в родительскую постель и прижимался к теплому боку матери.

И все же он обожал Уламбан — праздник, приходящийся на середину лета и связанный с яркими, хоть и жутковатыми обрядами. Сначала они всей семьей шли на кладбище, где приводили в порядок могилы предков. С собой брали рисовые лепешки и мелкие монеты. Лепешки разламывали пополам и половину съедали, а половину оставляли для нищих. Нищим же полагалось отдавать и монеты, но прижимистый отец всегда очень резко отзывался об «этих лентяях, которые даже себя прокормить не могут», поэтому, как правило, монеты возвращались, откуда были взяты.

Ши страшно стыдился скупости отца — на них в деревне и так поглядывали искоса. Сам отец был из простой крестьянской семьи, работал батраком, но потом ушел на военную службу и через несколько лет вернулся с хорошо набитой мошной. Сам он говорил, что скопил эти деньги, откладывая жалование, но соседи шептались, что живым столько не платят, зато с мертвых можно собрать и больше. Не прибавляла авторитета семье и работа отца. Конечно, ему кланялись при встрече, а зачастую и униженно просили о горсти риса или щепотке приправ, но за спиной иначе как кровососом не называли. Уж больно дешево он скупал зерно у тех, кто его выращивал, но не имел возможности отвезти в город. Зато на рынке продавал его втридорога.

Сам Женшень считал, что ничем не нарушает заветов предков — в конце концов, он кормит семью, помогает близким, а не побирается и не пьянствует, как большая часть деревни. Все так, но чем дальше, тем меньше маленький Ши хотел быть похожим на отца.

На кладбище он любил представлять себя влиятельным вельможей в ярких одеждах и с тугим кошельком. Он подъезжает на дорогой повозке, люди кланяются ему, а он швыряет в толпу горсти блестящих, звонких монет.

А иногда ему грезилось другое — та же повозка, в ней — вельможа, а сам Ши — благородный разбойник, который приставляет нож к горлу вельможи и заставляет его делиться с нищими нечестно нажитым богатством. Какой вариант его

устраивает больше, мальчик не знал, поэтому по очереди прокручивал в голове то первый, то второй. Иногда в этих мечтаниях проскальзывал женский образ, похожий на мать и на соседскую девочку одновременно — прекрасная незнакомка прижимала руки к груди и благодарила героя за щедрость (или смелость — в зависимости от того, кем выступал Ши в этот раз).

Но был еще один момент, который будоражил воображение ребенка и навсегда остался в памяти уже взрослого Мао Цзэдуна — именно его он ждал, цепляясь за юбку матери. Они подходили к деревенскому храму и еще издалека видели огромные бумажные фонари и длинные шесты, устремленные в небо. Монахи приманивали к храму голодных духов. По телу мальчика бежали мурашки — ему казалось, что духи касаются его своими бесплотными телами и вот-вот утащат за собой в царство мрака и страданий.

Но перед алтарем уже выставлены ряды всевозможных кушаний, а у ворот разыгрываются красочные сцены из жизни Будды и его ученика. Слышна музыка и смех — люди не боятся духов.

Сытые духи благосклонны, и они не будут мешать людям веселиться.

А вечером начиналось все самое интересное. Повсюду вновь зажигались фонари, чтобы осветить душам путь назад. Люди шли к берегу реки, опускали на воду зажженные бумажные фонарики, на которых писали молитвенное заклинание и имя усопшего родственника. Плывущие по течению фонарики возвращали души в загробный мир. Ши мог всю ночь смотреть на искры света в темной воде и грезить сказочным и великим будущим.

* * *

— Будда свободен от грехов и желаний, и поэтому он свободен вообще. Будда постиг суть вещей, и ему открыто скрытое.

— Это значит, что он все-все видит?

— Он все видит и все знает, и ему нельзя соврать, потому что он знает, что ты врешь.

— А он меня накажет?

— Будда не наказывает. Ты сам наказываешь себя. Ты портишь свою карму, и тебя настигнет кара.

— А если я делаю что-то в совсем темной комнате, это тоже считается? И как это можно ничего не хотеть? Зачем тогда жить?

Восьмилетний Цзэдун уже ходил в деревенскую школу, но

получить там ответы на свои вопросы не мог. Вся школьная программа заключалась в переписывании канонических текстов Конфуция и зазубривания их же. А мальчика интересовало все — есть ли на самом деле демоны и злобные духи? Почему кому-то в жизни перепадает больше удачи, а кому-то меньше? Кого надо слушать — отца, который попрекает каждым куском и заставляет работать, или мать, которая защищает и рассказывает завораживающие и невероятные истории?

Отношения с отцом становились чем дальше, тем сложнее. Цзэдуну перепадало за все — за разбитую глиняную чашку, за несвоевременные вопросы во время домашней церемонии, за мечтательный вид, а потом даже за книги. При этом авторитетом для мальчика он не становился — уж слишком сильно отличался от тех героев, которыми ребенок бредил с раннего детства.

Впрочем, страдал от деспотичного отца не только маленький Ши. Мальчик все чаще замечал, что глаза матери заплаканы. Однажды он помогал ей нести от реки корзину с бельем. Женщина шла впереди, и когда она начала подниматься на крутой откос, Цзэдун увидел синяки на ее щиколотках.

— Мама, что это?

Женщина торопливо поправила одежду и сделала вид, что не услышала вопроса. Но Цзэдун умел быть настойчивым, когда хотел этого. Он забежал вперед и преградил путь матери.

— Мама, это он? Он тебя бьет? Отвечай, мама!

— Шисаньяцзы, не лезь не в свое дело! Он — твой отец, и ты должен уважать его. А в наших отношениях мы сами разберемся. Ты не понимаешь, что у взрослых все не так, как у детей. Он любит меня, просто не знает, как проявить свою любовь.

— Мама, ты сама веришь в это?! Как можно любить и причинять боль? Я убью его, если он еще раз поднимет на тебя руку!

— Не вздумай даже говорить отцу о том, что ты видел! Подрасти сначала, а потом уже будешь решать за других, что им делать и как жить!

Цзэдун не верил своим ушам — отец бьет мать, а она защищает его! В тот раз он так ничего и не сказал отцу, но в душе затаил обиду и злость. Теперь каждое замечание, каждый окрик главы семьи он воспринимал еще болезненнее, пока однажды не решился на открытое противостояние.

* * *

В тот день Цзэдун вернулся из школы неожиданно рано.

Обучение подходило к концу, и подросток все с большим трудом терпел отупляющую зубрежку. Он очень любил читать и проглатывал все, что попадало ему в руки — будь то труды ученых-конфуцианцев или сказки народов мира, а вот к школе относился довольно прохладно и не упускал возможности прогулять урок, если знал, что это сойдет ему с рук.

В этот день у учителя разболелся зуб, и он оставил класс переписывать очередной список, а сам ушел к лекарю. Цзэдун молча собрал пишущие принадлежности в холщовый мешок, закинул его на плечо и отправился домой, не обращая внимания на окрики одноклассников. Дома под подушкой у него была спрятана новая книга «Заколдованный портной» Шолома Алейхема. И ему не терпелось вернутся к прерванному чтению.

Мальчик так размечтался о том, что пока дома никого нет, он сможет в тишине и покое насладиться любимым занятием, что даже не обратил внимания на открытые ворота. Он быстро скинул обувь и пошел в большую комнату, где жил вместе с братьями, но какие-то непонятные звуки остановили его на пороге. В доме явно кто-то был.

Первая мысль Цзэдуна была о грабителях, которые, очевидно, позарились на богатство его семьи и решили обокрасть дом, пока хозяева не вернулись. Вообще, воровство было не слишком распространено в их деревне. Но люди на глазах нищали, безработных становилось все больше, и грабежи уже никого не удивляли.

Цзэдун на цыпочках продвинулся вглубь дома, лихорадочно соображая, что лучше — поднять крик и спугнуть воров, или потихоньку отступить и позвать на подмогу взрослых. И вдруг он услышал знакомый голос, звучащий с непривычной интонацией.

— Ну что ты ломаешься, мой воробышек? Мы же обо всем договорились. Иди ко мне, твой хозяин отсыплет тебе зернышек на черный день.

Цзэдун остановился в коридоре, затаив дыхание, и наклонился к щели в стене. Он увидел отца, который прижимал к циновкам на полу незнакомую девушку. Она глупо хихикала и делала вид, что сопротивляется, но это только распаляло мужчину. Щеки Цзэдуна загорели огнем, а дыхание сбилось. Он был разгневан, но одновременно с этим понимал, что не может оторваться от щели в стене — он хотел видеть, что произойдет дальше.

Через несколько минут он вышел во двор. Ноги его подгибались, в голове шумело. Он знал, что обычно происходит между мужчиной и женщиной — в доме с тонкими стенами из плетеной лозы было сложно оставить что-либо в тайне — но в

первый раз видел, как бесстыдно отец овладел чужой женщиной. Ему было стыдно и горько за мать, но внизу живота что-то предательски ныло, и его тянуло снова и снова пролистывать перед внутренним взором увиденные картинки.

Цзэдун убежал на берег реки и просидел там до темноты, не решаясь идти домой и не зная, как теперь смотреть в глаза родителям.

* * *

Отец надеялся, что Цзэдун продолжит его дело. Он говорил об этом все чаще, особенно после того, как мальчику исполнилось 12 лет, и он начал помогать ему вести бухгалтерские книги. Сам Мао Женшень знал грамоту ровно настолько, чтобы посчитать свои прибыли и убытки и не дать барышу обойти его стороной. Но с годами обороты его предприятия все нарастали, наемных рабочих становилось больше, и мужчине было уже трудно удерживать в голове все нюансы своего бизнеса. Цзэдун же, при всей его нелюбви к математике, обладал прекрасной памятью и цепким умом. Он в голове перемножал трехзначные цифры, и помнил объемы торговли за несколько последних лет.

Правда, профессия спекулянта зерном подростка совсем не привлекала. Он мечтал о странствиях, хотел продолжить образование, стать известным ученым или врачом. Частенько ему доставались удары палкой за то, что вместо того, чтобы считать корзины с зерном, он укрывался в дальнем углу сарая и перечитывал потрепанные книжки.

Однажды он поехал с отцом на очередную ярмарку, и пока тот торговался с покупателем, улизнул в книжную лавку. Каждый раз, когда он заходил сюда (а это случалось гораздо реже, чем хотелось бы), ему казалось, что он попадает в чудесную сказку. Все вокруг было не таким, как дома. Всюду — на полках, специальных столиках и даже на полу — громоздились свитки и фолианты. Солнечные лучи пробивались через щели в стене, и в них плавали и танцевали крошечные пылинки, пахло краской и бумагой.

У Цзэдуна разбегались глаза. Он припас несколько монет, чтобы пополнить свою библиотеку, но не мог сделать окончательный выбор. В этот момент подросток почуствовал, как чьи-то жесткие пальцы вцепились в его ухо.

— Вот ты где, бесово потомство! На кого я оставил корзины с товаром? И что это ты здесь делаешь? На что ты тратишь мои деньги?!

Возмущение отца было так велико, что, обычно немногословный, теперь он просто захлебывался словами, за ухо вытаскивая сына из книжной лавки и подгоняя его пинками.

— Неблагодарный! Я не жалею живота своего, кровью и потом зарабатываю вам на пропитание, а ты спускаешь мое состояние на эту жалкую рухлядь? Где ты взял деньги? Сколько ты своровал у меня за эти годы???

— Я не воровал! Это мои деньги, ты дал мне их в прошлый раз после той удачной сделки!

— Ах ты, исчадье ада! Разве я давал тебе деньги на эту ерунду? Ты должен был спрятать их, чтобы затем вложить в свое дело! Зачем я столько времени и сил на тебя потратил? Ты, бесполезный кусок дерьма!

Цзэдун уже не мог выносить брани и побоев, тем более, что вокруг них собралась толпа любопытных, среди которых были и жители их деревни. Он вырвался из рук отца и замер напротив него, готовясь защищаться.

— Это ты — кусок дерьма! Я не собираюсь продолжать твое сраное дело! Продавай сам свое гнилое зерно, а я не собираюсь обманывать людей!

— Ты..! Да ты.! — отец был настолько разгневан, что не находил слов. Но его недавний покупатель уже насторожил уши и явно собирался чинить разборки. Женшень счел за лучшее не продолжать воспитание сына на глазах у толпы и шипением и пинками погнал его к повозке, которая уже готова была отправиться в родную деревню.

* * *

Несколько дней в доме стояла настороженная тишина. Отец делал вид, что ничего не произошло, но мать ходила заплаканная и прятала глаза, когда Цзэдун пытался поговорить с ней. Он знал, что отец не спустит ему непослушание с рук, но терялся в догадках — каким будет наказание?

Все разъяснилось в конце недели. Отец вызвал Цзэдуна в комнату, где обычно приносили дары душам предков и где хранились вещи для обрядов (в обычные дни в комнату не входили — это была особая зона для особо важных событий) и сухо сообщил:

— Если ты считаешь, что можешь спорить с отцом, значит, ты вырос. А если ты вырос, тебе пора жениться. Приводи жену в дом и веди хозяйство. Я все сказал.

Цзэдуну в этот год должно было исполниться 14 лет. Он был

рослым мальчиком и рано возмужал, но известие его ошеломило. Он даже не помышлял о женитьбе и не мог себе представить, что это событие в его жизни свершится так скоро. От изумления язык как будто прирос к зубам, и подросток не смог вымолвить ни слова. Отец был удовлетворен. Он посчитал, что достаточно наказал и унизил сына. Кроме того, после женитьбы можно будет рассчитывать, что мальчишка прекратит витать в облаках и всерьез займется делом — ведь семью надо будет кормить и содержать. А чтобы чадо уверилось в серьезности ситуации, было решено провести свадебную церемонию по всем правилам, которые завещали предки.

В невесты была выбрана 20-летняя девушка из соседней деревни, которую Цзэдун не знал. 6-летняя разница в возрасте никого не смущала, главное, что жених и невеста подходили друг другу по году рождения.

Как известно, в Китае принят 12-летний цикл, в соответствии с которым каждому году присваивается то или иное животное. Маленький Ши наизусть помнил легенду о Нефритовом императоре, который придумал такой цикл.

> Нефритовый император правил небесами и всем, что находилось на небесах, но он никогда не спускался на землю, поэтому его интересовал внешний вид всех земных существ. Однажды он вызвал своего главного советника.
>
> — Я много лет правлю небесами, — сказал император, — но я никогда не видел этих странных животных. Как они выглядят? Я хотел бы узнать их характерные черты и свойства. Мне бы хотелось увидеть, как они передвигаются, и услышать звуки, которые они издают. Насколько они умны и как они помогают людям?
>
> Советник сообщил, что на земле тысячи различных существ. Одни из них бегают, другие летают, третьи ползают. Понадобится много месяцев, чтобы собрать все земные существа. Неужели государю хочется увидеть их всех?
>
> — Нет, я не намерен тратить так много времени. Отбери двенадцать самых интересных животных и доставь ко мне, чтобы я смог распределить их по цвету и форме.
>
> Советник перебрал в уме всех животных, которых знал, и решил позвать крысу, но попросил ее передать приглашение еще и ее другу коту. Он отправил

приглашения также быку, тигру, кролику, дракону, змее, лошади, барану, обезьяне, петуху и собаке и велел им предстать перед императором в шесть часов утра на следующий день.

Крысе очень польстило это приглашение, она тут же отправилась передать хорошие новости коту. Кот тоже обрадовался, но встревожился, что может проспать, поэтому взял с крысы обещание вовремя разбудить его. Всю ночь крыса размышляла о том, какой кот симпатичный и лоснящийся и какой уродливой она будет выглядеть по сравнению с ним. И пришла к выводу, что единственный способ сделать так, чтобы вся похвала не досталась коту, — это не будить его утром.

В шесть часов утра одиннадцать животных выстроились перед Нефритовым императором, который принялся не спеша рассматривать их. Дойдя до последнего животного, он повернулся к советнику:

Все животные интересные, но почему их только одиннадцать?

Советник не смог ответить и тут же послал слугу на землю, приказав ему доставить на небеса первое же животное, которое он встретит на земле. Слуга опустился на сельскую дорогу и увидел крестьянина, который нес на рынок свинью.

— Прошу тебя, остановись, — взмолился слуга. — Мне нужна твоя свинья. Нефритовый император желает немедленно увидеть это существо. Подумай о великой чести — ведь твоя свинья предстанет перед правителем небес.

Крестьянин оценил слова слуги и отдал ему свинью, которую слуга и доставил на небо.

А тем временем крыса, испугавшись, что останется незамеченной, запрыгнула на спину быка и принялась играть на флейте. Императору так понравилось это необычное животное, что он отдал ему первое место. Второе место император отдал быку — ведь он был настолько великодушен, что позволил крысе сидеть на его спине. Тигр за свой храбрый вид получил третье место, а кролику за его нежный белый мех досталось четвертое место. Император решил, что дракон выглядит как мощная змея с лапами, и поставил его на пятое место. Змея за свое гибкое туловище получила шестое место, лошадь — седьмое за элегантную осанку, а баран — восьмое за сильные рога.

Проворной и непоседливой обезьяне досталось девятое место, петуху за красивые перья — десятое, а бдительной сторожевой собаке — одиннадцатое. Свинья стояла в конце: она, возможно, была и не так интересна, как другие животные, но все же попала на небеса и поэтому была удостоена последнего места.

Когда церемония завершилась, во дворец вбежал кот и стал умолять императора оценить и его, однако было слишком поздно: император уже выбрал двенадцать животных. Увидев крысу, стоявшую на первом месте, кот бросился на нее с намерением убить. Вот почему и по сей день кот и крыса остаются врагами.

Если бы Цзэдун был рожден в год кота, а его невеста — в год крысы, бракосочетание не состоялось бы. Но ему не повезло: мальчик был рожден в год змеи, а невеста — в год свиньи. Геомантия одобряла такое сочетание, и поэтому приготовления к свадьбе шли полным ходом.

Сватовство проходило без молодых. Сначала родители выслали опекунам девушки (она была сиротой) записку-карточку с указанием восьми иероглифов жизни юного жениха. В ней были прописаны имя, фамилия, дата и час рождения. Почти неделю священник с помощью Книги перемен определял, насколько подходят друг другу молодые. Все это время Цзэдун молился, чтобы боги указали на невозможность женитьбы. Но гексаграммы (знаки, используемые при гадании по Книге перемен) выпали удачно, и священник объявил о дате свадьбы.

На следующий день родители подростка надели свои лучшие одежды, украсили повозку лентами и цветами и запрягли в нее самого молодого и породистого вола. Отец держал в руках конверт из красной бумаги с изображением дракона. В конверте находилось некое подобие брачного договора, по которому Цзэдун брал на себя обязательства по содержанию своей будущей жены. Отец был доволен собой — указанную в договоре сумму мальчик нигде не смог бы заработать, кроме предприятия отца. По сути, он попадал к нему в кабалу на долгие годы. Был у Женшеня и еще один повод для радости, но он предпочитал держать его при себе.

Тем временем повозка, которой правил батрак, наряженный по случаю праздника не хуже хозяев, прикатила к дому невесты. За распахнутыми настежь воротами были видны вырезанные из бумаги фигуры — «заяц счастья» держал в руках «рыбу счастья». Обрядовые фигурки должны были приманить будущей семье удачу и богатство: заяц символизировал многочисленное

потомство, а рыба — сытую, безбедную жизнь.

Опекуны невесты встречали сватов у крыльца. На него был вынесен семейный алтарь, перед которым, преклонив колени, помолились все взрослые. Во время молитвы Женшень отыскал взглядом невесту, которая подглядывала за гостями в щелку двери. Он медленно прикрыл веками глаза, как будто подтверждал некую давнюю договоренность, о которой знали только они вдвоем.

После молитвы все, наконец, зашли в дом, откуда уже неслись умопомрачительные запахи праздничной еды и рисовой водки.

Сама свадьба состоялась на третий день после сватовства. Жених не поехал за невестой (на самом деле Цзэдуна с утра рвало; бледный и обессиленный он отлеживался в своей детской комнате, но это не отменило церемонии), но традиции вполне допускали, чтобы это сделали друзья жениха или его близкие.

Свадебный «поезд», тронувшийся от дома невесты к дому жениха, выглядел представительно и серьезно: впереди выступали два батрака с горящими факелами в руках. Чуть позади, потупив глаза в притворном смущении, чинно шествовали две подружки невесты с красными зонтиками в руках. Красный цвет олицетворял потерю невинности, которая предстояла невесте.

Саму девушку несли в красном паланкине. Полы его были отогнуты так, чтобы было видно богатое платье и свадебный макияж невесты. Выбеленная белилами до снежного цвета, с затянутыми на затылке волосами и крохотными, подведенными ярким кармином губами, невеста походила на фарфоровую куклу. Но Цзэдун, который нашел в себе силы и вышел навстречу процессии, не обращал внимания на эти тонкости. Он смотрел во все глаза и не мог поверить вероломству отца: в паланкине сидела та самая девушка, которую он однажды застал в их доме в самой пикантной ситуации.

Цзэдун закусил губу до крови и мысленно поклялся, что он пальцем не притронется к своей «жене». Но только через три года он смог сбежать из дома, чтобы больше никогда в него не вернуться. О своей первой женитьбе он старался не вспоминать и впоследствии вообще отрицал, что был женат до брака с Ян Кайхуэй.

Часть II
Юй. Вольность

По сравнению с его родной деревней, Дуншан казался Цзэдуну по-настоящему крупным городом. Это был уездный центр со всеми причитающимися ему по штату благами цивилизации: банком, тюрьмой и уездной школой. В школе семнадцатилетнего юношу приняли вполне благосклонно: он был начитан, интеллигентен, да и отец (очевидно, чувство вины было ему не чуждо) отсыпал сыну в дорогу не одну монету.

Учителя отмечали его способности, знание китайских классиков, канонических конфуцианских книг. Позже Мао вспоминал о двух книгах, присланных ему двоюродным братом, в которых рассказывалось о реформаторской деятельности Кан Ювэя (сторонник либеральных реформ). Одну из них он даже выучил наизусть. Его любимыми героями стали основатель первой единой Китайской империи Цинь Ши-Хуанди, разбойники из романа «Речные заводи», военные и политические деятели эпохи Хань, выведенные в романе «Троецарствие», затем Наполеон, о котором он узнал из брошюры «Великие герои мировой истории».

И все же на кусок хлеба Цзэдуну приходилось зарабатывать самостоятельно. Он не гнушался никакой работы — переписывал свитки для библиотеки, составлял жалобы крестьянам, разгружал повозки и даже мыл посуду в небольшом кабачке недалеко от школы. Там он чаще всего и кормился.

В эту осень, через год после поступления в школу, Цзэдун уже чувствовал себя коренным жителем Дуншана. Ему было восемнадцать лет, он был высок и худощав. Мягкий поначалу, он быстро понял, что выжить в городе можно, только стиснув зубы и научившись толкаться. Нельзя сказать, что он был драчлив — в критической ситуации он бледнел, ладони его становились холодными и влажными, а сердце билось где-то в горле. Но юноша знал, что стоит один раз отступить — и пощады ему не будет. Поэтому он обычно носил с собой довольно длинную, отполированную ладонями палку, которой можно было если и не отбиваться, то хотя бы угрожать.

Впрочем, до драк доходило нечасто. Как-то так получилось, что Цзэдун быстро оброс нужными знакомствами и связями. Он умел быть благодарным и полезным. Так, в лавочках на рынке он нашел нескольких давних приятелей отца, познакомил с ними одного авторитетного молодого человека с той улицы, где жил

сам, и обеспечил себе прикрытие в полукриминальной среде, занимавшейся мелкими кражами и сбытом краденого. В библиотеке он нашел редкий свиток и переписал его для директора школы, собиравшего коллекцию древнекитайской литературы. Все это он делал с таким тактом и легкой усмешкой, что никому и в голову не пришло обвинить его в подхалимаже.

В этот день он шел с занятий на рынок, где надеялся подзаработать, разгрузив очередную партию товара или посторожив какую-нибудь лавку. Холодный ветер пробирал до костей. Цзэдун шел быстро, наклонив голову, чтобы ветер не резал глаза, и чуть не столкнулся с приятелем.

— Куда ты летишь?

— На рынок. А ты оттуда? Есть работа?

— Какая работа, ты что, не слышал? Революция! Императора свергли! Хватит уж, попила эта маньчжурская гнида нашей кровушки! Теперь сами себе хозяевами будем. Долой чиновников! Да здравствует свобода!

Новости потрясли Цзэдуна. Нет, волнения в народе ходили давно. Все говорили о продажности имперского двора, о засилье иноземных империалистов, о необходимости реформ и перемен. Но революция — это было что-то новое.

В течение нескольких дней все жили в ожидании чего-то неизвестного и оттого казавшегося страшным. Губернатор провинции Хунань примкнул к восставшим войскам и собирал собственную армию. Однажды вечером в дом, где жил Цзэдун, постучали. Хозяин выглянул во двор, а спустя несколько минут позвал юношу.

— Это к тебе.

В темноте осенней улицы Мао разглядел только силуэт худощавого мужчины в плаще. Он не сразу узнал своего приятеля и одноклассника, который сообщил ему о начале революции.

— Заработать хочешь?

— В смысле?

— В прямом. Губернатор объявил мобилизацию. Это не опасно! Почти. Ведь открытых боев почти нет. Так просто, пугают друг друга.

Забегая вперед, скажем, что приятель Цзэдуна сильно кривил душой. Синьхайская революция оказалась жестокой и кровопролитной. Усугубляло ситуацию и то, что при ослаблении имперской власти (а 12 февраля 1912 года последний император из династии Цин, захватившей китайский престол в 17 веке, отрекся от престола) активизировалась борьба различных кланов и группировок. Каждый хотел урвать свой кусок и выловить всю рыбку в мутной воде восстаний. Человеческая жизнь, и без того

не слишком ценная в Китае, в эти дни обесценилась окончательно. Пожалуй, только редким везением Цзэдуна (очевидно, судьба берегла его для других испытаний) можно объяснить тот факт, что юный и неопытный связной, рыская между раздробленными частями армии, не получил ни одного ранения.

> Революция — это не званый обед, не литературное творчество, не рисование или вышивание; она не может совершаться так изящно, так спокойно и деликатно, так чинно и учтиво. Революция — это восстание, это насильственный акт одного класса, свергающего власть другого класса[1].

В этот период Цзэдун приобрел бесценный опыт сразу в трех направлениях: он научился выживать, познакомился с идеями социализма (крайне популярными у солдат) и… впервые влюбился..

— Ты читал последний номер «Сянцзян жибао»?

— Нет еще, а что там?

— Помнишь этого русского анархиста, Ленина? Там его новая статья! Это что-то потрясающее. Он пишет о войне и империализме, о том, как нас обманывают и заставляют проливать свою кровь за чужие богатства. Странный он, этот русский! Такое ощущение, что он жил среди нас. И даже лицо китайское — присмотрись! Наверняка, в роду кто-то из наших был.

Солдатам армии губернатора постоянно подкидывали свежую газету. Она поражала Цзэдуна свободой мысли и широтой идей. Здесь было все, о чем ему грезилось — национальное единство и социальная справедливость, равенство и братство, всеобщее понимание и любовь.

Надо сказать, что в последнее время теоретические представления о любви у Мао перешли во вполне практическую плоскость. Солдатское общество привлекало девушек из соседних деревень. Они летели на свет костров, как мотыльки, и не боялись обжечь свои крылышки. Общая атмосфера неразберихи, неясного будущего и мрачных прогнозов нарушила моральные устои. Девушки хотели любить и быть любимыми здесь и сейчас. Ведь завтра могло и не наступить.

* * *

В армии Цзэдун пробыл всего полгода. Ему хватило, чтобы

досыта наесться подгорелой кашей, мокрыми портянками и непродуманными, противоречащими друг другу командами из центра. В школу возвращаться не было смысла, и Мао отправился в родную деревню. Какими бы напряженными ни были отношения с отцом, это показалось ему более приемлемым, чем рисковать жизнью за сомнительные права губернатора.

Впрочем, жизнь в деревне после учебы в городе и армейского опыта показалась юноше еще более тупой и скучной, чем раньше. Он не находил себе места от одной мысли о том, что ему придется сменить отца и наследовать его дело, он впадал в тоску.

Цзэдун много читал, много думал и даже пытался вести дневник. Его первая жена еще несколько лет назад была отправлена обратно к родным, мать всячески старалась порадовать сына, то готовя его любимые блюда, то вспоминая старые легенды и сказания. Но юношу уже не привлекали сказки. Будда казался ему эгоистичным и ленивым. Новая жизнь требовала новых идей. Энергия переполняла Цзэдуна и не находила выхода. В конце концов он твердо решил порвать с карьерой землевладельца и резко изменить судьбу.

В 1913 году Мао приезжает в город Чанша — столицу провинции Хунань с твердым намерением продолжать образование. Он с блеском выдержал вступительные экзамены и стал студентом педагогического училища. Учеба в педагогическом училище способствовала знакомству Мао с прогрессивной молодежью, которая придерживалась некого сплава толстовских, коммунистических и анархических идей, неокантианства и младогегельянства.

Среди тех, с кем он постоянно встречался, чтобы обсудить последние новости и поспорить о будущем страны, были и девушки.

Они совсем не походили на подружек детства Мао из его деревни. Худощавые, в большинстве своем некрасивые, они опровергали все его представления о женственности. Они курили, ругались, как грузчики, и с пеной у рта отстаивали собственные убеждения. Их сложно было представить женами и матерями, зато с ними так замечательно спорилось!

Дискуссии были бурными и зажигательными и зачастую затягивались на всю ночь. Цзэдун с парой друзей снимал комнату у одного зажиточного горожанина. Девушки не стеснялись оставаться ночевать. Эти прокуренные, полные споров и непонятного электричества ночи запомнились Мао на всю жизнь.

Здесь было настоящее равенство и дружба — у приятеля (или приятельницы) можно было одолжить чистую рубашку, перехватить монету до ближайшего заработка. По вечерам

скидывались и закатывали настоящие пиры — варили кашу в единственном котелке, ломали на всех зачерствевшую лепешку. Последнюю сигарету пускали по кругу, и было в этом что-то непередаваемо волнующее и эротическое.

Для Мао эти годы навсегда остались в памяти эталоном общинной жизни. Не зря уже в зрелом возрасте он попытался осчастливить опытом коммун всю страну.

* * *

Тао Сыюн склонилась над книгой, сильно сгорбив худую спину. Цзэдун украдкой любовался ее ломаным профилем. Не очень красивая, но, безусловно, умная девушка была старше его на пару лет и вызывала в Мао настоящий душевный трепет. Он очень хотел понравиться ей, заставить ее восхищаться.

Пока это удавалось с большим трудом. Сыюн посмеивалась над эмоциональным и несдержанным юношей.

— Что ты читаешь, Сыюн?

— Тебе еще рано это знать, Мао, ты еще маленький. Сколько классов ты закончил? Подучись сначала, потом я дам тебе прочитать пару страниц. Может, найдешь там знакомые иероглифы!

Цзэдун обижался, злился (тем более, что нападки были совершенно несправедливы — сочинения Цзэдуна регулярно признавались образцовыми и вывешивались на стенах школьных коридоров для всеобщего обозрения), но выкинуть прекрасную гордячку из головы не получалось. Тем более, что из памяти не шел случай, произошедший почти месяц назад. Тогда Цзэдун поздно вернулся домой. Он вымок под дождем и устал как собака. Дома он не застал приятелей и соседей. В комнате было темно. Цзэдун не стал зажигать лампу и, стянув через голову мокрую рубашку, практически нагишом завалился в свою кровать. Каково же было его изумление, когда под ворохом одеял он обнаружил спящую (точнее, проснувшуюся) девушку!

Он не успел опомниться, как уже лежал рядом с ней, ощущая всем телом идущее от нее тепло. Голова его кружилась, как от водки, женский запах сводил с ума. Во все, случившееся потом, Цзэдун не мог поверить. Тем более, что утром постель его оказалась пуста.

Он и сейчас сомневался, что это Сыюн стонала в его объятьях. При воспоминаниях об этом кровь ударяла ему в низ живота, он краснел, смущался, и старался оказаться как можно дальше от девушки. Но уже через несколько минут его вновь тянуло к ней.

Сыюн только посмеивалась и никак не пыталась подтвердить или опровергнуть его мысли. Цзэдун чувствовал себя униженным и оскорбленным.

— Что ты собираешься дальше делать, Цзэдун?

Вопрос застал юношу врасплох. Он быстро перевел взгляд от лица девушки и уставился в трактат, который держал на коленях. Смысл вопроса никак не доходил до его сознания.

— Я говорю, что ты собираешься делать? Вообще, по жизни? Нельзя же вечно сидеть над книгами, философствовать и даже не пытаться изменить жизнь!

— Я не сижу над книгами! Ты же знаешь, я пишу статьи, и их уже перепечатывают в центральных газетах! Учитель Ян Чанцзы говорит, что лучшая революция — это просвещение. Чем больше люди будут знать и понимать, тем больше они смогут управлять своей жизнью, строить новое общество. Разве не это наша цель?

— Цель у нас, может, и благая, только движемся мы к ней блошиными шажками.

Сыюн досадливо закусила губу.

— Я чувствую, что надо делать больше, но как — не знаю.

Этот разговор запал в душу Цзэдуну. Он всегда отличался редкой целеустремленностью, граничащей с упрямством, но в это мгновенье понял, что одного движения вперед недостаточно. Надо четко понимать, куда идти и зачем. Опыты с созданием новой стратегии привели к тому, что уже через несколько дней Мао вместе с приятелями (среди которых была и Тао Сыюн) создал небольшой кружок единомышленников со знаковым для его мировоззрения названием «Научное общество новой нации» («Синьминь сюэхуэй», что можно было переводить и как «обновление нации»). В попытке совместить самые разные философские модели, почерпнутые из книг, Мао искал гармонию и в самом себе.

Шел 1916 год, Цзэдуну исполнилось 22 года. Создание кружка привело не только к повышению его статуса среди молодежи и усилению авторитета. Благодаря кружку он одержал и личную победу — гордячка Сыюн сдалась. Она оказалась страстной и темпераментной в постели, поддерживала его планы и устремления и даже помогла открыть книжную лавку, в которой сама стала за прилавок. Но, завоевав подругу, Мао почувствовал только разочарование. Цель была достигнута и больше не привлекала его. К тому же активная общественная жизнь требовала всех его сил, всего внимания. Сыюн обижалась, плакала и обвиняла его в эгоизме. А сам Мао вынашивал грандиозные планы по возвращению Китаю былого величия.

В те годы он написал в своем дневнике: «Я — самое

возвышенное существо. И самое ничтожное». Эта двойственность сознания преследовала его всю жизнь.

Часть III
Шэн. Подъем

Уже в молодые годы общение с Мао порой превращалось в пытку для его знакомых: целеустремленность его граничила с упрямством, а резкие перепады настроения — с неврастенией. Тем не менее, он был одним из лучших учеников и общественных работников. Его статьи, отличавшиеся зрелостью суждений, стали публиковаться в хунаньских газетах.

Мао в ту пору находился под сильным влиянием идей движения за новую культуру, которые проповедовал его любимый профессор Ян Чанцзи. Это течение искало способа соединить передовые идеи Запада с великим духовным наследием самого Китая.

Сначала профессор преподавал в училище в Чанши, но затем его пригласили в пекинский университет, читать лекции по философии. Для Цзэдуна это стало возможностью подняться на новые, досель неведомые ему высоты. Профессор устроил для любимого студента место помощника заведующего университетской библиотекой. К тому моменту Мао закончил обучение в училище и был одержим идеей устроить новое общество. Правда, на каких основах оно должно было зиждеться, юноша не мог определиться.

В Пекине, в 1918 году Цзэдун знакомится с активными деятелями анархизма, вступает в переписку с ними, а затем пытается даже создать в Хунани анархистское общество. Он верит в необходимость децентрализации управления в Китае и вообще склоняется к анархистским методам деятельности. Мао увлеченно читает работы П. Кропоткина и других анархо-социалистов.

Октябрьская революция в России и победа Советской власти дали мощный толчок не только освободительному и демократическому, но и социалистическому движению в Китае. В стране создаются первые революционно-демократические объединения студенчества, из которых впоследствии вышли многие деятели Компартии Китая.

Но для Цзэдуна все и всегда было основано на личных впечатлениях. Несмотря на несгибаемый характер, он легко попадал под влияние окружающих, особенно, если считал их заслуживающими уважения и доверия. Так, после профессора Ян Чанцзи, вторым по авторитетности для Мао стал его непосредственный начальник — заведующий библиотекой Ли

Дачжао. Это был образованный марксист и незаурядный деятель, который в 1919 году создал в Пекине кружок по изучению марксизма. Мао участвовал в его работе, и таким образом его анархические увлечения постепенно начали сменяться на коммунистические.

1920 году Цзэдун вступил в недавно организованную коммунистическую партию Китая и, пользуясь наработанным до этого опытом, начал активно прорываться в ряды управленческой верхушки.

* * *

Несмотря на сильную загруженность работой и общественной деятельностью, Цзэдун не забывал и про личную жизнь. Тао осталась в Чанши и если поначалу еще питала какие-то надежды, писала письма и клялась в любви, то через год поток упреков и клятв иссяк, и Мао почувствовал себя свободным. Все это время он присматривался к дочери любимого профессора — Ян Кайхуэй.

Конечно, он знал девушку и раньше, но в Чанши дочь преподавателя была недосягаемой вершиной для обычного, пусть даже и очень талантливого студента, а вот в Пекине им волей-неволей пришлось познакомиться поближе. Цзэдун жил в доме учителя, и они с Кайхуэй пересекались по три раза на дню.

Девушка (в 1918 году ей исполнилось 16 лет и она только начинала расцветать) была настоящей красавицей. Кроме того, воспитанная образованным и просвещенным отцом, она высказывала смелые идеи и всей душой отдавалась революционным преобразованиям. Ничего удивительного, что редкие разговоры за завтраком очень скоро переросли в долгие задушевные беседы по вечерам.

И все же, живя в доме профессора, Мао не мог допустить и мысли о неблагодарности по отношению к учителю, поэтому долгое время взгляды и речи между девушкой и юношей оставались совсем невинными. Все переменилось в 1920 году, когда отец Кайхуэй скоропостижно скончался.

Смерть Ян Чанцзи резко изменила жизнь его дочери и ученика. Кайхуэй вынуждена была вернуться в Чанши в дом дальних родственников. Цзэдун, лишившись покровителя, потерял и место в библиотеке. Виной тому стали его чрезмерные амбиции. Он не просто посещал кружок, организованный заведующим библиотекой — он подмял его под себя. Это не могло не вызвать разногласий с Ли Дачжао, так что тому

достаточно было формального повода, чтобы уволить ершистого помощника.

Мао тоже вернулся в Чанши и здесь проявил себя в роли покровителя дочери умершего учителя. Эта роль ему необыкновенно понравилась. Теперь он был средоточием жизни для Кайхуэй, она буквально смотрела ему в рот и поддерживала все, чтобы он ни говорил.

Молодые люди (Кайхуэй исполнилось 18, а Цзэдуну — 27 лет) тайно договорились о женитьбе. Само по себе это было таким же вопиющим нарушением правил, как то, что Цзэдун еще в году посещения педагогического училища отрезал свою косу — в знак протеста против традиций, навязанных маньчжурской династией. В Китае на протяжении веков было принято, что жениха и невесту сговаривали родители или заменяющие их опекуны. Согласия молодых (особенно невесты) никто и не спрашивал.

Мао же, увлеченный революционными идеями, считал традиционный брак пережитком прошлого. Члены «Научного общества», кружка молодых радикалов, которым он руководил, брачные контракты не признавали. «Наши поступки направляются либо голодом, либо сексом. Человеческая потребность в любви сильнее любой другой потребности. Люди либо встречают любовь, либо вступают в бесконечную череду постельных ссор, которые отправляют их искать удовольствий на берегах реки Пу (квартал злачных заведений в царстве Вэй), — писал он в те годы. — Люди, живущие в условиях законного брака, представляются мне бригадой насильников. Я в нее не войду».

Тем не менее, семья Ян Кайхуэй настояла на том, чтобы все было сделано по традиции, и в 1921 году Мао и Ян сочетались законным браком. Это была свадьба, на которой не было ни красных платьев, ни церемонии приезда невесты, ни факелов с гербом жениха. Зато было много друзей, музыки и тостов в честь будущего Китая.

Осенью 1922 года в молодой семье появился первенец — Аньин, на следующий год родился Аньцин, в 1926 году — Аньлун. Но, регулярно рожая, Кайхуэй не оставляла мужа без поддержки. Ей он поручал самую ответственную, самую трудную работу. Помогая Цзэдуну выстраивать структуру коммунистической партии, женщина выполняла обязанности казначея, была личным помощником, секретарем и даже связным.

Но ценил ли Мао эти усилия?

* * *

Накануне свадьбы Мао весь был поглощен подготовкой к первому съезду коммунистической партии Китая. Все это время, начиная с революции 1911 года, страну раздирали гражданские войны. Приходящие к власти клики, одна за другой, то пытались восстановить монархию, то свергали друг друга. Каждая провинция жила по своим законам: где-то убивали губернаторов и на их местах воцарялись главари вооруженных формирований, где-то пытались придерживаться республиканских принципов правления. Единой, централизованной, действенной власти в Китае не было. В Пекине переворот следовал за переворотом, генералы бросали армии на подавление путчей, но, заняв пост председателя республики, тут же начинали бредить воскрешением имперских традиций.

Одновременно с этим развивалось и крепло объединение тайных обществ Китая, получившее название Гоминьдан (национальная партия Китая). Само по себе это объединение заслуживает отдельного рассказа, но здесь мы остановимся на нем ненадолго, лишь для того, чтобы объяснить некоторые поступки и стремления молодого Мао Цзэдуна.

Итак, Гоминьдан сформировался еще на рубеже XVIII и XIX веков под личным началом видного общественного деятеля Сунь Ятсена. Своей целью Ятсен ставил свержение маньчжурской династии и установление монархии представителя коренной китайской императорской ветви. Именно действия Гоминьдана спровоцировали восстания в 1911 году, приведшие к свержению династии Цин. Однако возглавить страну Сунь Ятсену тогда не удалось — власть захватили представители военной коалиции.

Но он не терял надежд и продолжал объединять вокруг себя все видные общественные силы страны. В двадцатых годах такой силой стала коммунистическая партия Китая, подпитываемая советской Москвой. Но отношения с Гоминьданом сначала не задались.

Вернемся к 1921 году. Ян Кайхуэй ждет свадьбы, а Мао Цзэдун то и дело пропадает в Шанхае, где идет подготовка к 1 съезду коммунистической партии. К тому моменту первичные ячейки были созданы всего в шести провинциях, и на съезде присутствовало 12 партийцев — по два от каждого региона. Мао представлял хунаньскую делегацию.

Хлопоты по организации съезда не прошли для Цзэдуна даром. Его назначили секретарем хунанского отделения КПК. Помимо статуса, эта должность давала и приличный доход — Мао распоряжался всей казной партийной организации, получал деньги от Коминтерна. Его решение о свадьбе во многом было связано с укрепившейся материальной базой — теперь было на

что содержать жену и кормить детей.

Правда, необходимо отметить, что сам Мао продолжал придерживаться весьма аскетичного образа жизни. Как бы он ни конфликтовал с отцом, уроки бережливости, полученные в детстве, стали его второй натурой. Цзэдун практически не обращал внимания на свой внешний вид, питался обычной кашей, и единственное, на что тратил деньги — на многочисленные командировки.

И первого, и второго сына Кайхуэй рожает, когда муж находится в отъезде. Но он не получает ни слова упрека от верной спутницы жизни. Даже когда все соседские кумушки начинают судачить о том, что Цзэдун частенько выходит из дома своего партийного товарища, когда тот в отъезде, а дома — лишь его молодая жена, Кайхуэй не теряет веры в супруга. Она вся — воплощенная любовь, верность и понимание. Их считают идеальной революционной парой. А вот Цзэдуну уже через пару лет после женитьбы приходится задействовать весь свой актерский талант, чтобы не выдать, какую скуку в нем вызывает семейная жизнь.

* * *

Но Ян Кайхуэй не зря прослыла умной женщиной. Довольно быстро она догадалась, какое место занимает в сердце мужа. Это открытие оскорбило ее до глубины души. Несколько раз она пыталась вызвать Мао на откровенный разговор, но каждый раз получала заверения в любви и верности, насквозь фальшивые. Уезжая в очередную командировку, Цзэдун посвящает обиженной половинке такие стихи:

Машу рукой на прощанье,
С печалью обращаю взор назад,
И горькие слова опять звучат в душе.
Тоска в твоих глазах, в дуге бровей застыла,
Дождинки слез вот-вот прольются.
И море облаков несется надо мной.
О небо! Что тебе известно?
Везде в мире так близки — она и я,
И нет других на свете.

Очень может быть, что Цзэдун и сам верил в свои слова. Но это не мешало ему заводить краткосрочные романы практически во всех деревеньках, куда отправляла его партийная работа. Все

эти годы он много занимался работой с крестьянством, находить взаимопонимание с которым Мао помогало его деревенское происхождение. Это требовало полной отдачи и длительных отлучек. Кроме того, партийная деятельность Цзэдуна раздражала действующее правительство, и его начала преследовать полиция. В результате он практически совсем перестал бывать дома, скинув заботы о семье на преданную жену.

Кайхуэй разрывалась между семейным долгом и ревностью. Закатывать скандалы ей мешало воспитание и опасение за Цзэдуна — тот строил политическую карьеру и слава хорошего семьянина помогала находить общий язык с нужными людьми. Кроме того, она действительно искренне и преданно любила, и ради этой любви готова была закрывать глаза на все сплетни и домыслы.

Старшему сыну едва исполнилось 4 года, когда Кайхуэй поняла, что вновь беременна. В свои нечастые приезды Мао никогда не пренебрегал своим супружеским долгом, а предохраняться в китайских семьях было не принято. Муж появился дома, когда женщина была уже на пятом месяце.

— Почему ты мне не написала? — бушевал Цзэдун. — Я нашел бы способ переправить тебя отсюда! Разве ты не понимаешь, что здесь становится опасно? Повсюду война, я готовил вам безопасное убежище, но теперь не знаю, как тебя туда переправить!

— Цзэдун, ты действительно беспокоишься о моей безопасности? Моей и мальчиков? Значит, ты все еще любишь нас?

— Ну конечно люблю, мой тополек, — голос Цзэдуна смягчился. В конце концов, ему не в чем было упрекнуть свою жену. Не ее вина, что они встретились и полюбили друг друга в такие страшные времена. Не зря в Китае бытовала поговорка — не дай вам Бог жить в эпоху перемен.

Но если Кайхуэй надеялась, что еще один малыш крепче привяжет мужа, ее ждало жестокое разочарование. Цзэдун видел кроху всего пару раз. Малыш погиб при трагических обстоятельствах, не дожив и до четырех лет. Но об этом — чуть позже.

* * *

Все это время Мао продолжал идти вверх по политической лестнице. После первого съезда КПК последовал второй, а затем и третий. В 1923 году, всего через 2 года после первого назначения,

Цзэдун входит в состав центрального комитета партии. К тому времени он уже научился расталкивать локтями конкурентов, чувствовать конъюнктуру и манипулировать людьми. Первой жертвой в политической битве стал его недавний начальник, заведующий университетской библиотекой Ли Дачжао. Мао не мог простить ему увольнения, да и для его далеко идущих планов он был опасен.

Устранить конкурента оказалось довольно просто — сначала Мао в дружеских беседах с другими участниками коммунистического кружка передавал им слегка отредактированные в нужном направлении слова Ли Дачжао, а потом и вовсе распространил слухи о трусости и реакционистских настроениях бывшего молодежного лидера. Авторитет Ли угасал, тогда как Мао поднимался все выше.

Удачной оказалась и ставка на крестьянское движение. В полуфеодальном Китае пролетариата как такового практически не было, и главной движущей силой революции могло выступить только нищее, лишенное всего крестьянство. Не смущало Мао и то, что это крестьянство представляло собой спившихся, безграмотных бездельников, неспособных заработать на кусок земли или сохранить и преумножить заработанное.

> В настоящий момент подъем крестьянского движения приобретает величайшее значение. Пройдет очень немного времени — и во всех центральных, южных и северных провинциях Китая поднимутся сотни миллионов крестьян; они будут стремительны и неодолимы, как ураган, и никакой силе их не сдержать. Они разорвут все связывающие их путы и устремятся к освобождению.
>
> Они выроют могилу всем и всяким империалистам, милитаристам, продажным чиновникам, тухао и лешэнь. Они проверят все революционные партии и группы, всех революционеров с тем, чтобы либо принять, либо отвергнуть их[2].

Цзэдун был уверен, что именно люмпен, то есть деревенская беднота, в первую очередь поддержит коммунистическую идею о всеобщем равенстве и братстве и поможет свергнуть крупных землевладельцев. А уж как потом из этих масс сформировать развитое социалистическое государство — можно будет продумать позже.

О его политической гибкости говорит один широко известный факт. Выступая в 1923 году на III съезде КПК, где в центре внимания был вопрос о тактике партии, то есть об

отношении к Гоминьдану, Цзэдун прилюдно отказался от своей прежней позиции, когда он высказывался за независимость профсоюзов — основной силы, на которую опирались коммунисты. Мао выступил за передачу профсоюзов под руководство Гоминьдана. Именно его активный и быстрый переход на новые позиции обеспечил ему новое положение и в КПК, и в Гоминьдане. Как уже было сказано, на III съезде он был избран в состав ЦК, а вскоре после этого (в январе 1924 года) назначен заведующим орготделом. На I съезде Гоминьдана Мао был избран кандидатом в члены ЦИК Гоминьдана.

В 1924 году Гоминьдан был реорганизован на более централизованных началах в политическую партию. Мао принял самое активное участие в форуме гоминьдановских лидеров, которые съехались со всего Китая. И когда в 1924 году Гоминьданом были созданы курсы по подготовке руководителей крестьянского движения, никто не удивился тому, что именно Мао по предложению КПК стал одним из ведущих руководителей этих курсов.

В апреле 1927 года Мао был назначен членом постоянного комитета временного исполкома Всекитайской крестьянской ассоциации, находившейся под влиянием Гоминьдана.

Но его продвижение только казалось легким и простым. В стране разгоралась очередная волна гражданской войны. Председатель Гоминьдана Чан Кайши выступил против официального правительства. С помощью коммунистов он занял ключевой для Китая город Шанхай, из которого можно было диктовать свою волю другим государствам. Через год, в 1928, под властью Гоминьдана был объединен практически весь Китай.

Но Чан Кайши не нужны были соперники на посту лидера страны. Сразу после первых побед он начал проводить в жизнь политику беспощадного террора против бывших союзников-коммунистов. Тысячи членов КПК были арестованы или убиты.

На чрезвычайном совещании ЦК КПК 7 августа 1927 года руководство КПК взяло курс на организацию вооруженных восстаний против контрреволюции Гоминьдана. На этом совещании Мао был избран членом ЦК и кандидатом в члены Временного политбюро ЦК КПК. Он получил задание вернуться в родную провинцию Хунань и возглавить там крестьянское восстание.

Восстания «осеннего урожая» повсеместно закончились трагически. Местные власти, подчиненные Гоминьдану, подавляли их с особой жестокостью. Ноябрьский пленум ЦК КПК 1927 года исключил Мао Цзэдуна из числа кандидатов в члены Временного политбюро ЦК КПК за ошибки, совершенные

хунаньским провинциальным комитетом. Главная — установка лишь на военную силу. Данный пленум знаменит еще и тем, что на нем было употреблено новое понятие «маоцзэдунизм». Этот новый уклон характеризовался как «военный авантюризм».

Мао вынужден бежать с остатками своей армии в горы. Но и там Гоминьдан не оставляет их в покое.

В 1928 г., после долгих переселений, коммунисты прочно основываются на западе провинции Цзянси. Здесь Мао создает достаточно сильную советскую республику. Впоследствии он проводит ряд аграрных и социальных реформ — в частности, конфискацию и перераспределение земли, либерализацию прав женщин.

> Несмотря на скудное материальное обеспечение и бесконечные бои, Красная армия по-прежнему держится твердо, и это объясняется не только ролью партийного руководства, но и осуществлением в армии демократических принципов. Командиры не бьют бойцов; бойцы и командиры снабжаются одинаково; бойцы пользуются свободой собраний и слова; отменены ненужные церемонии; хозяйство ведется у всех на глазах… В Китае демократия нужна не только народу, она нужна и армии. Демократический режим в армии является важным орудием разрушения феодальной наемной армии[3].

* * *

В официальных хрониках тех лет редко упоминается личная трагедия коммунистического лидера. В 1927 году младшему сыну Мао — Аньлуну — едва исполнился год. Когда начались гонения, Цзэдун успел переправить семью в затерянную в горах деревушку Чангша. Он был уверен, что там их не затронет война. Правда, на этом его забота о первой семье закончилась. Зато начинался новый этап личной жизни.

В своем последнем письме равнодушному мужу Ян Кайхуэй выводит трепетной рукой следующие строки:

> В пасмурном небе дует холодный ветер,
> Мороз до костей проникает.
> Далеко от меня мой любимый,
> Преграды нас разделяют.
> Как ты — зажили ли ноги?
> Сшил ли одежду на зиму?

Кто твой сон бережет,
Кто печаль разделяет?
Письма к тебе не ходят,
Мне никто не носит.
Жаль, у меня нет крыльев.
Полетела б к тебе, любимый.

Кайхуэй еще красива и молода — ей всего 25. На руках трое маленьких детей. В деревушке, куда сослал их муж-революционер, всего несколько дворов. Люди живут тем, что возделывают судную скалистую почву, разводят тощих коров. Интеллигентной женщине, дочери университетского профессора, приходится самой делать всю тяжелую работу. Пятилетний Аньин и четырехлетний Аньцин стараются помогать ей, чем могут, но это у них еще плохо получается. Они собирают хворост для печки, приносят от ручья по чайнику воды.

Братья очень дружны. Мама занята малышом, который постоянно болеет, и мальчишкам зачастую приходится самим искать, что поесть. Они не брезгуют весенними червяками, выползающими из оттаявшей земли, личинками жуков, побегами молодой травы. Впрочем, подавляющее число жителей деревни питается тем же самым.

В таких условиях семья прожила три года. Это были тяжелые годы, но именно они приучили Аньина и Аньцина к самостоятельности, что потом спасло им жизнь.

В тот день, на третий год их жизни в Чангши, братья бродили в лесу неподалеку от деревушки. Они надеялись поймать несколько лягушек и приготовить их на костре. Лягушки считались настоящим лакомством среди деревенской детворы. У них были мясистые ножки, а зажаренная на углях кожица хрустела, как куриная.

Но пока добыча ограничивалась лишь одной довольно жалкой особью. Аньин как раз присматривался к подозрительной кочке, когда вдали послышался непонятный шум и звуки выстрелов. Мальчишки переглянулись и со всех ног бросились к дому. Впрочем, кочевая жизнь научила их осторожности — они не стали выбегать на открытое место, а спрятались за плетеной изгородью. Увиденное потрясло их — вооруженные мужчины выводили из дома мать с малышом на руках. Она кричала и сопротивлялась, но мужчины были сильнее и без проблем затащили ее в повозку.

Аньин хотел кинуться на защиту матери, но крепкая рука схватила его за шиворот. Оказывается, за трагедией наблюдал и

сосед — нестарый еще мужчина, недалекого ума, но добрый и покладистый. Он зажал рот Аньину, давая ему понять, что сейчас не самое время поднимать шум. Аньцин в это время сидел рядом. Он побелел, как полотно и трясся всем телом, но не мог отвести взгляда от людей, уволакивающих его мать в неизвестном направлении.

Больше они ее никогда не видели.

* * *

Ян Кайхуэй выследила разведка Гоминьдана. Сейчас сложно сказать, кто именно выдал место, где скрывалась жена коммунистического лидера, но Чан Кайши тут же воспользовался возможностью ослабить конкурирующую партию. Он дал приказ захватить женщину с детьми и переправить ее в столицу. Во время тяжелого переезда маленький Аньлун умер. Женщине даже не дали похоронить ребенка.

В столице Кайхуэй предложили сохранить жизнь, если она публично отречется от мужа, опорочит его в глаза приверженцев партии. Дело в том, что несмотря на жестокое подавление крестьянских восстаний, Чан Кайши не чувствовал себя уверенно на посту руководителя Китайской республики. Все больше крестьян откровенно занимали позицию коммунистов. Слухи о реформах, проводимых в районах, занятых КПК, будоражили умы и сердца людей.

В этой ситуации гораздо эффективнее была информационная война. Гоминьдан распространял слухи о кровавых расправах, которые устраивали коммунисты, выставлял их настоящими монстрами. Свидетельство жены одного из наиболее известных лидеров могло серьезно повлиять на отношение людей.

Кайхуэй впала в состояние, близкое к прострации. Смысл жизни для нее был утерян. Муж скрывался в горах и не подавал о себе вестей, судьба старших детей была неизвестна, малыш, на которого она возлагала столько надежд, с которым песталась день и ночь, умер у нее на руках, и его выкинули из повозки, как мусор. Душевная боль была так сильна, что блокировала все остальные эмоции.

Пытать ее не было смысла, но в Гоминьдане работали опытные революционеры и психологи.

— Ян Кайхуэй, готовы ли вы свидетельствовать, что ваш муж отдавал команды на расстрел мирных людей? Ваше молчание будет расценено как согласие. Подпишите документ и мы выпустим вас на свободу и найдем ваших детей.

Кайхуэй молчала.

— Вы еще молодая женщина, у вас вся жизнь впереди! Зачем вам защищать этого подонка? Разве он сделал вас счастливой? Мы дадим вам дом, работу, вы найдете приличного мужчину, у вас все будет хорошо! Вам надо всего-навсего сказать несколько слов о бывшем муже.

Кайхуэй молчала.

— Вы что, думаете, он оценит такую преданность? Да он уже два года как женат на другой! Она родила ему дочь и скоро подарит еще одну! Он просто избавился от вас, чтобы начать жить с другой!

— Вы лжете! Подонки, мерзавцы, да как вы смеете наговаривать на моего мужа?! Он — святой! Вы недостойны даже целовать пыль у его ног! Я никогда не скажу о нем ни одного плохого слова, можете хоть резать меня живьем! Я при всех скажу, Мао Цзэдун — великий человек, только он сможет возродить Поднебесную, вернуть Китаю славу мировой державы. Люди пойдут за ним, а не за вами, шакалы и лизоблюды!

Ян Кайхуэй казнили прилюдно, сделав из ее казни показательную расправу над приверженцами коммунизма.

А Мао Цзэдун в это время обнимал новую подругу, которую нашел еще два года назад. Ей тогда было 19, как и Кайхуэй, когда они поженились. Испытал ли Мао чувство вины, когда до него донеслась весть о казни жены? Сложно сказать. Но, говорят, годы спустя, напившись, Цзэдун частенько плакал и вспоминал своего «гордого тополька», выговаривая ей, что она оставила его без поддержки. И никто не решался напомнить ему, что он сам отправил молодую жену в богом забытую деревню, за три года ни разу не поинтересовался, как она там живет, а всего через полгода после разлуки уже объявил своей гражданской женой новую пассию.

Судьба сыновей тоже не слишком волновала папашу. Злые языки говорили, что он мог бы спасти и жену, и сыновей, но не стал рисковать революционными частями, чтобы найти и освободить их. Долгих семь лет Аньин и Анцин бродяжничали и побирались. И только в 1937 году соратники отца разыскали их и тайно вывезли в Россию. Здесь, в интернате города Иваново мальчишки впервые в жизни наелись досыта.

Часть IV
Бо. Разрушение

В то время, когда еще живая Кайхуэй только осваивала сложную науку дойки козы в глухой деревушке Чангши, Мао Цзэдун скрывался после очередного разгрома в горных районах провинции. Поражение на фронте, осуждение коллег по партийной линии, разлука с семьей — все это нисколько не умерило пыл коммуниста. Он строил новые планы и вербовал новых сторонников. Начался партизанский этап в его жизни.

Однажды он знакомился с сельскими активистами, и ему представили миловидную девушку: мол, кадровый работник одного из здешних уездов. Хэ Цзычжэнь возглавляла тогда организацию местных комсомольцев, поддерживавших связь с командирами полубандитских отрядов крестьянской самообороны. Ее слово не обсуждалось: она была непререкаемым авторитетом для местной молодежи. Перед высокопоставленным партийным работником она нисколько не смутилась, хотя ей было всего 17 лет. Бойкая красотка сразу приглянулась Цзэдуну.

— А я думал, это чья-то жена, — сказал Мао. — Замечательно! Теперь будем воевать вместе!

Вот как описывал впоследствии очевидец их встречу:

«В середине седьмого месяца Мао прибыл во главе нашего полка в уезд Юнсинь, где мы поселились в помещениях волостной управы. Местные юнсиньские товарищи часто приходили посмотреть на председателя Мао. Была среди них и женщина-товарищ Хэ, красивая и живая. Она особенно много беседовала с председателем. В первый же вечер она прислала пару гусей и две фляжки водки. Председатель пригласил ее остаться ужинать. За трапезой они очень сблизились. На второй день председатель созвал собрание юнсиньской партячейки, и эта женщина-товарищ выступала больше всех. Собрание закончилось только в одиннадцать вечера. Председатель сказал, что ему еще нужно обсудить очень важный вопрос с женщиной-товарищем Хэ. Они работали долго. Наутро, встав с постели, председатель умылся и с радостным лицом сказал нам: «Мы с товарищем Хэ полюбили друг друга, у нас товарищеская любовь переросла в супружескую.

Это начало совместной жизни в революционной борьбе». При этом смеющаяся женщина-товарищ Хэ стояла рядом, по правую руку». Через год у них родилась первая девочка».

Свадьбу с Хэ Цзычжэнь они сыграли в мае 1928 года. Значит, когда Ян Кайхуэй слагала свое поэтичное послание мужу, тот уже

полгода как «воевал вместе» с новой женой. Нельзя сказать, что их брак был таким же гармоничным, овеянным революционной романтикой, как брак с первой женой и соратницей. Хэ обладала на редкость отвратительным характером. Вначале своим взрывным темпераментом она привлекала мужа — Цзэдун узнавал в ней себя и с хохотом удерживал ее руки, когда она кидалась бить его своими острыми кулачками. Но со временем ее приступы ярости стали не такими безобидными.

Первая беременность Хэ прошла легко — женщину не тошнило, она могла прошагать с отрядом весь день. И у нее еще хватало сил поддерживать порядок в своем подразделении, а вечером устраивать мужу сцены ревности. Дочку она рожала на привале, отойдя чуть в сторону от того места, где солдаты готовили обед. В этом не было ничего удивительного, многие китайские крестьянки рожали в полях, и девочек с детства обучали тому, как вести себя в таких случаях.

Цзэдун не проявил особой радости от рождения ребенка — в тот момент он еще помнил, что у него подрастает три наследника. Он предложил оставить малышку в ближайшей деревне на попечение крестьян, что и было сделано. С тех пор ни имя девочки, ни ее судьба неизвестна.

Когда Хэ объявила супругу, что вновь беременна, Мао не на шутку разозлился. «Это война, а не детский сад! — бушевал он. — Глупая женщина, неужели ты не можешь придумать что-нибудь, чтобы не беременеть? Судьба страны висит на волоске, а ты спутываешь мне ноги и руки своими глупостями!»

Хэ не осталась в долгу: весь отряд оказался в курсе сексуальных пристрастий Мао и его мужских способностей. Женщина, не стесняясь в выражениях, высказывала все, что она думает о своем заносчивом супруге. Эта история превратилась в анекдот, который передавался из уст в уста еще много лет, пока за подобные анекдоты не начали сажать.

Говорят, Цзэдун даже побил жену, что, впрочем, не сказалось на их отношениях в худшую сторону. Младенец родился недоношенным и умер, не прожив и месяца, а Цзычжэнь уже была беременна следующим ребенком.

> Коммунист должен быть искренним, преданным и активным, интересы революции должны быть для него дороже жизни, он должен подчинять личные интересы интересам революции; всегда и везде он должен отстаивать правильные принципы, вести неустанную борьбу против всяких неправильных взглядов и поступков и тем самым крепить коллективизм в жизни

партии и связь партии с массами; он должен заботиться об интересах партии и масс больше, чем о своих собственных интересах, заботиться о других больше, чем о себе. Только такой человек достоин называться коммунистом[4].

* * *

В 1928 году, после долгих переселений, коммунисты прочно основались на западе провинции Цзянси. Там Мао создал достаточно сильную советскую республику. Он проводил там ряд аграрных и социальных реформ — в частности, конфискацию и перераспределение земли, либерализацию прав женщин и так далее. Растущая популярность Цзэдуна и стала причиной, по которой гоминьданский режим арестовал и казнил его первую жену.

Но Мао не сидел на месте. Чтобы создать и возглавить республику, ему приходилось делать ставку на полубандитские формирования, сложившиеся в годы гражданской войны. На границе района то и дело происходили стычки с войсками Гоминьдана, да и в отдельных деревнях то и дело вспыхивали бунты и восстания. Крупные землевладельцы не желали добровольно расставаться со своим имуществом. А голытьба зачастую не дожидалась подхода коммунистических отрядов и спешила самостоятельно «приватизировать» чужие богатства, пристрелив хозяев.

Наведение порядка отнимало все время и силы Цзэдуна. Он постоянно перемещался по территории, разбирая конфликты, выстраивая жесткую дисциплину, карая и воспитывая. Его речи вдохновляли людей, они проникались идеями коммунизма и добровольно вставали под флаги Мао.

Между тем в целом по стране коммунистическая партия переживала самый тяжелый кризис. Последствия восстаний «Осеннего урожая» давали о себе знать. Большая часть тех, из кого была сформирована армия коммунистов в первые годы, оказались убиты, продолжались внутренние разногласия в верхушке.

Муж давней любовницы Цзэдуна (к которой он наведывался в Чанши) Ли Лисань возглавил партию на короткое время, но вскоре был исключен из ЦК. Его обвинили в идеологическом и военном провале. Кроме того, он повздорил со Сталиным.

Нельзя забывать, что коммунистическая партия Китая в первые годы своего существования целиком и полностью

опиралась на поддержку Коминтерна, чья деятельность финансировалась Страной Советов. Конфликт с советским лидером ставил на грань исчезновения всю партию и делал бессмысленными многотысячные жертвы. Ли Лисаням принесли в жертву партийной целесообразности и исключили его из рядов ЦК. За этой интригой довольно четко прорисовывалась тень Мао.

Его позиции становятся сильнее день ото дня. В плюс идет работа с крестьянством, которое уже обожествляет Мао за его простую и понятную речь, близкие им манеры, непривередливость в еде и одежде, удачу в формировании советских районов. Цзэдун делает ставку на две силы — нищих сельчан и партизанские отряды. По сути, этим людям нечего терять. При существующем строе у них нет будущего. Алкоголики, бандиты и разбойники — они признают только твердую руку. Такой рукой становится Мао Цзэдун, в полной мере освоивший методы кнута и пряника: с народом он внимателен, деловит и в меру оптимистичен, а вот с бузотерами и оппозицией — жесток и непредсказуем.

В 1930-31 годах Мао расчистил себе место, виртуозно сочинив и претворив в жизнь план «АБ-туань». Была создана легенда о членах тайного общества, поставившего себе целью дискредитировать и развалить социалистические республики в регионах, свободных от власти Гоминьдана. Мао, как талантливейший режиссер, прорабатывал все детали постановки: изготавливались поддельные улики, имитировались расследования. Дело «АБ-туаней» набирало оборот, пока в него не оказались вовлечены почти все тайные и явные противники Цзэдуна. Он припомнил все: и споры на съездах, и кулуарные сплетни, и насмешки в свой адрес — каждый, кто не успел засвидетельствовать свою преданность и почтение, рисковал быть брошенным в тюрьму или расстрелянным как пособник контрреволюционного общества. По сути, это был первая «чистка» в истории КПК.

Осенью 1931 года на территории 10 советских районов Центрального Китая, контролируемых Китайской Красной армией и близкими ей партизанами, была создана Китайская Советская Республика. Во главе Временного центрального советского правительства (Совета народных комиссаров) встал Мао Цзэдун.

> Мы стоим за активную идеологическую борьбу, так как она представляет собой оружие, при помощи которого достигается внутреннее сплочение партии и других революционных организаций, обеспечивающее их боеспособность. Каждый коммунист, каждый

революционер должен пользоваться этим оружием[5].

* * *

В эти годы помощь Хэ для Цзэдуна была бесценной. Она истово любила его, и ради своей любви была готова на все. Видя, какие жертвы приносит молодая женщина (чего стоили одни роды в походных условиях и оставленные на попечение крестьян младенцы), соратники также стремились доказать свою преданность вождю и коммунистическим идеалам. Мао не видел американских боевиков, но в точности воплощал их излюбленный принцип — они с Хэ постоянно играли в «плохого» и «хорошего» полицейского. На фоне неуравновешенной, склонной к истерикам Хэ повзрослевший Цзэдун выглядел спокойным и сдержанным. Он подсознательно начинал копировать манеры своих идолов — Конфуция (в приверженности конфуцианству Мао никогда не признавался, но во всех его лозунгах и работах сквозили черты этой философской системы), Ленина и Сталина.

Он выверял свои слова, старался разговаривать негромко и ласково, подкупая собеседника мнимой искренностью и вниманием. Но если собеседник не внимал и упорствовал в своих заблуждениях, в дело вступала Цзычжэнь. Она не стеснялась в словах и выражениях, могла припугнуть винтовкой, а иногда и на самом деле возглавляла карательные отряды. Женщина не однажды получала ранения, ее характер портился год от года. В конце концов и сам Мао стал побаиваться своей бешеной спутницы.

Между тем Китайская советская республика переживала далеко не лучшие времена. Основной частью Китая по прежнему управлял Чан Кайши, который не оставлял попыток избавиться от коммунистической заразы. К 1934 г. силы Чан Кайши окружают коммунистические районы в Цзянси и начинают готовиться к массированной атаке. Руководство КПК принимает решение об уходе из данного района.

Мао к этому моменту вновь в опале. Главенствующие позиции занимают «28 Большевиков» — группа близких к Коминтерну и Сталину молодых функционеров во главе с Ван Мином, проходивших обучение в Москве. Они же планируют и осуществляют прорыв через сплошной заслон гоминьданских войск. Но талант Мао не покидает его. Во время прорыва он умудряется так надавить на недовольных промосковкой группировкой соратников, что те поддерживают его на экстренной партийной конференции, которую во время короткой

передышки срочно собирают в одном из городков.

Позже конференция Цзуньи вошла в учебники под названием «легендарной». Именно на ней были приняты основополагающие тезисы Мао, которые позже легли в основу «маонизма» (в противовес марксизму, ленинизму и сталинизму). Мао доказывает, что ставка на пролетариат в Китае заведомо проигрышная, в связи с отсутствием такого класса. Он предлагает все коммунистические учения рассматривать в крестьянском преломлении и формулирует отдельный, национальный путь китайского коммунизма.

Во время той же конференции партия принимает решение уклониться от открытого столкновения с Чан Кайши и перебросить армию на север через труднопроходимые горные районы. Спустя год после начала Великого марша, в октябре 1935 г. Красная Армия достигает коммунистического района Яньань, который решено было сделать новым форпостом Коммунистической Партии.

В ходе Великого марша через военные действия, эпидемии, несчастные случаи в горах и болотах, а также через дезертирство коммунисты потеряли более 90 % из того состава, что покинул Цзянси. Тем не менее, им удается быстро восстановить свои силы.

К тому времени главной целью партии стала считаться борьба с усиливающейся Японией, которая закрепляется в Маньчжурии и провинции Шаньдун. После того, как в июле 1937 вспыхнули открытые военные действия с Японией, китайские коммунисты, по указанию Москвы, идут на создание единого патриотического фронта с Гоминьданом. Так Чан Кайши из врага вновь превращается в союзника.

> Как только человечество уничтожит капитализм, оно вступит в эпоху вечного мира, и тогда войны ему уже не будут нужны. Тогда не нужны будут армии, военные корабли, боевые самолеты и отравляющие вещества. Тогда человечество уже во веки веков не увидит войны[6].

* * *

Все эти страшные, полные боев и потерь годы, Хэ была верной спутницей Мао Цзэдуна. В этот период она родила шестерых детей, судьба которых неизвестна до сих пор: либо они погибли в невыносимых условиях, либо их оставили в крестьянских семьях. В конце великого похода, по словам биографов, Хэ уже не

выглядела той задорной красавицей, которой была 10 лет назад. К тому же многочисленные беременности и ранения сделали свое дело: у Хэ испортился характер, в результате чего начались ссоры, а иногда даже драки. «Мао плохо ко мне относится, мы все время спорим, потом он хватается за скамейку, я — за стул!» — жаловалась супруга партийного лидера.

Семейная жизнь с Хэ закончилась невероятным скандалом. Хэ заподозрила Мао в измене, причем сразу с двумя женщинами: студенткой из Пекина У Гуанхуэй и американской журналисткой Агнес Смэдли, которая в течение нескольких вечеров интервьюировала вождя коммунистического Китая.

Вне себя от гнева, Хэ намеревалась расправиться с обидчицами. Мао ничего не оставалось, как выслать из страны всех троих. Хэ поместили в одну из московских клиник, где она родила мальчика. Зима 1938 года в Москве выдалась на редкость холодная, с морозами ниже 30 °С. Сын Хэ заболел воспалением легких и умер. Ко всем просьбам супруги вернуться Мао оставался глух. Затем, наконец, он нашел, как ему казалось, прекрасное средство, с помощью которого Хэ могла скрасить свое одиночество: отправил к ней обнаруженную в крестьянской семье маленькую дочку — Цяо Цяо, единственного уцелевшего ребенка от их брака.

В предвоенной Москве с Хэ Цзычжэнь обращались как с простой советской гражданкой. Цяо Цяо, которую Хэ оформила в ясли, тяжело заболела, и ее отвезли в больницу. Врач, которому не было дела до больного ребенка, велел отнести девочку в морг, где ее и нашла мать. Дочка была еще жива. После того как ей стало лучше, Хэ бросилась к заведующей детским учреждением выяснять отношения. Та не пожелала выслушивать причитания всклокоченной азиатки и вызвала «скорую помощь», которая отвезла визжащую Хэ в сумасшедший дом. Там она и пробыла 9 лет, пока прибывший в Москву в 1947 году представитель КПК Ван Цзясян не освободил соотечественницу и не попросил Мао Цзэдуна пустить измученную болезнями Хэ в страну. Мао сменил гнев на милость, однако велел не пускать Хэ далее Харбина.

Девочку же отправили в детский дом, где она научилась говорить по-русски, драться и отстаивать свою порцию каши, на которую всегда находились желающие. О том, кто ее отец, она узнала много лет спустя и то совершенно случайно.

А Хэ Цзычжэнь в 1949 году удалось приехать в Тяньцзинь, который находится всего в 100 километрах от Пекина. Но в столицу Хэ не попала, ее задержали и отправили в Шанхай «для продолжения лечения». Чудом спасенная Цяо Цяо вернулась к отцу, Хэ дала ей свою девичью фамилию Ли и новое имя — Минь.

В Шанхае Хэ Цзычжэнь жила в изолированном особняке. В Пекин она смогла вернуться лишь в конце 1976 года, после смерти Мао и ареста Цзян Цин.

* * *

А что же произошло с сыновьями Мао от первого брака? Семь лет Аньин и Аньцин бродяжничали и побирались. Как они не погибли от голода, холода, дизентерии или рук бандитов — остается только гадать. Но когда коммунисты завершили великий Поход и основались в Яньань, Цзэдун вспомнил про них и поручил выяснить их судьбу.

Мальчишки нашлись неподалеку от деревеньки, где арестовали их мать. Когда они остались одни, Аньину было 5 лет, а Аньцину — 4 года. Они помнили, как их зовут и кто их отец. Крестьяне, кто из страха, а кто и из жалости, подкармливали малышей, поручая им посильную работу. Войска Гоминьдана искали их всего пару месяцев, а после казни Ян просто напросто забыли о них.

Соратники Мао, нашедшие детей, были поражены их видом. Даже для низкорослых китайцев они казались слишком маленького роста, были истощены, их тела покрывали болячки и язвы. При этом Аньин явно унаследовал характер отца — даже в такой ситуации он имел гордый и заносчивый вид и готов был дорого отдать свою жизнь, когда им заинтересовались незнакомые мужчины.

Аньцин пошел в мать. Мягкий и добрый, после произошедшей трагедии он окончательно ушел в себя и положился на старшего брата. Если ему говорили идти, он шел, говорили стоять — стоял. Он не спорил и не сопротивлялся, безучастный ко всему происходящему.

Ребят отмыли, переодели, накормили и отправили тайными тропами вместе с провожатыми через границу, в Россию. Цзэдун не хотел, чтобы его шантажировали детьми, поэтому в интернациональный детский дом в Иваново мальчишки поступили под именами Сережа (Аньин) и Коля (Аньцин). Конечно, персонал смущало, что дети с русскими именами обладают яркой азиатской внешностью и ни слова не понимают по-русски, но тогда в детские дома попадали и не такие экземпляры, поэтому лишних расспросов не последовало.

* * *

— Знаешь, кто это? — показал Коля на портрет Мао.

— Знаю: вождь компартии Китая.

— Правильно, он — вождь компартии Китая. А знаешь ли ты, что он еще и наш папа?

— Ты с ума сошел, что ты говоришь?! — возмутилась Цяо Цяо.

— Хорошо, хорошо, не будем говорить об этом.

Диалог этот случился в 1946 году в России в Ивановском интернациональном детдоме. А год спустя девочка Цяо Цяо пишет письмо: «Председатель Мао! Все говорят, что Вы — мой отец, что я Ваша родная дочь. Но в Советском Союзе я не видела Вас и не знаю, правда ли это. Вы на самом деле мой родной папа, я на самом деле Ваша родная дочь?»

Письмо пришло в деревушку Сибайпо, где тогда помещался аппарат ЦК КПК. Текст перевели на китайский, вручили вождю — и полетела телеграмма:

«Ты — моя родная дочь, я — твой родной отец. Хочу, чтобы ты как можно быстрее ко мне приехала. Мао Цзэдун».

Однако отцовские чувства были не сильнее обстоятельств. До воссоединения с дочерью прошло еще два года, ведь у Мао было столько дел!

Начиная с 1939 года, Мао Цзэдун последовательно добивается единоначалия в коммунистической партии и ослабления позиций Гоминьдана. Во время Японской войны коммунистические войска проявляют себя более успешными, чем армия Чан Кайши. С одной стороны, это объяснялось отработанной Мао тактикой партизанской войны, позволявшей успешно оперировать в тылу у противника, с другой же — было обусловлено тем, что основные удары японской военной машины принимает на себя армия Чан Кайши, лучше вооруженная и воспринимаемая японцами как основной противник.

К середине 1940-х годов все общественные институты Гоминьдана, включая армию, находятся на крайней стадии разложения. Повсеместно процветает неслыханная коррупция, произвол, насилие; экономика и финансовая система страны фактически атрофированы. Часть высшего руководства Гоминьдана весьма мягко относилась к главному врагу Китая — Японии, предпочитая вести главные военные действия против коммунистов. Все это способствует распространению негативного отношения к Гоминьдану у большинства населения, в том числе и среди интеллигенции.

Солдаты Гоминьдана целыми отрядами переходят на сторону коммунистов. Мао ведет с ними серьезную идеологическую работу. Их заставляют читать тезисы Мао, изучать его доктрину.

Параллельно с этим Цзэдун ведет борьбу с оппозицией, под предлогом военного времени жестоко расправляясь с ней. Все это преподносится как «кампания по упорядочению стиля», в ходе которой фальсифицируется история КПК, А Мао предстает в роли главного персонажа, добиваясь абсолютного авторитета и полной власти в партии и в контролирующихся Красной Армией районах. Эту кампанию характеризует наличие продуманного плана с разнообразным арсеналом средств реализации.

Мао Цзэдун поставил под контроль средства информации, создал прочную опору в органах безопасности. Спецслужбы (которыми руководило его доверенное лицо — Кан Шэн, человек с подозрительным прошлым) развернули аресты лиц, «подозреваемых» в связях с Гоминьданом и японцами. Честных коммунистов заставляли каяться во всевозможных антипартийных проступках, восхвалять Мао, почти все его оппоненты в руководстве КПК были вынуждены публично признать свои взгляды «вредными» или просто подчиниться решению осудившего их ЦК.

Он умел быть мягким и обходительным, но иногда впадал в слепую ярость. Умело манипулировал массовым сознанием, испытывая при этом пренебрежение к массам (известно его изречение: «Народ — это чистый лист бумаги, на котором можно писать любые иероглифы»). Но вместе с этим утверждал, что историю творит именно народ. На протяжении всей жизни он стремился к созданию собственного культа. Он упорно насаждал этот культ, уничтожая всех, кто делал попытки выступить против. Он постоянно был нацелен на то, чтобы устранять с политической арены своих соперников. Мао Цзэдун копировал Сталина, восхищался им, боялся и ненавидел его.

Мао научился использовать весь арсенал известных ему средств, прикрывая стремление к личной власти призывами к борьбе за высокие идеалы революции. Отличительной чертой его характера было умение привлекать на свою сторону одних, заставляя других служить себе. Он широко использовал традиционные приемы выдвижения кадров, когда сначала кого-либо наказывали, а затем неожиданно повышали в должности. Так воспитывалась личная преданность вождю. Выиграв во внутрипартийной борьбе у Ли Лисаня и Чжан Готао, у Во Гу и Ван Мина, Мао Цзэдун сосредоточил затем силы против главного противника — Чан Кайши. С этим врагом (позднее — с его тенью на Тайване) Мао довелось сражаться до конца жизни, даже после победы в ходе революции 1949 года.

Чан Кайши неизменно стремится лишить народ

> малейшей крупицы власти и не упускает ни малейшей выгоды. А мы? Мы проводим курс — действовать острием против острия, бороться за каждую пядь земли. Мы платим ему той же монетой. Чан Кайши все время стремится навязать народу войну, он держит меч и в левой, и в правой руке. Отвечая ему тем же, мы тоже взяли меч… Сейчас Чан Кайши точит меч, поэтому и нам нужно точить меч[7].

Так насаждался новый режим в КПК. Его результатом явилось полное подчинение всех руководителей воле Мао Цзэдуна. Оно наглядно обнаружилось на VII съезде КПК в 1945 году. Выступление Мао на съезде было типичным. Съезд в целом прошел под знаком торжества идеологии и политики Мао Цзэдуна и его группы.

На съезде был принят новый устав КПК, в котором отмечалось: «Коммунистическая партия Китая во всей своей работе руководствуется идеями Мао Цзэдуна». Так была заменена прежняя формулировка о марксизме-ленинизме как основе идеологии Коммунистической партии.

Мао Цзэдун был избран на специально учрежденный для него пост Председателя ЦК КПК. Этот пост был придуман самим Мао, который теперь становился выше Генерального секретаря ЦК партии. А поскольку Чан Кайши тоже был председателем вэйюаньчжан (в верховном государственном органе) и в народе его так и звали «сопредседатель», то Мао, став «председателем», творил свой имидж главы нации.

В начале 1947 года Гоминьдану удалось одержать последнюю крупную победу: 19 марта ими был захвачен город Яньань — «коммунистическая столица». Мао Цзэдуну и всему военному командованию пришлось спасаться бегством. Однако, несмотря на успехи, гоминьдановцы не смогли добиться главной стратегической цели — уничтожить основные силы коммунистов и захватить их опорные базы. Категорический отказ Чан Кайши организовывать жизнь в стране по демократическим нормам и волна репрессий против инакомыслящих приводят к тому, что он полностью теряет поддержку населения и даже собственной армии. Коммунисты ведут контрнаступление. Их поддерживает население, войска, Советский Союз. В результате КПК за два с половиной года удается овладеть всей территорией континентального Китая, несмотря на многократное численное превосходство войск Гоминьдана и активное противостояние США.

1 октября 1949 г., (еще до окончания боевых действий в

южных провинциях) с ворот Тяньаньмэнь Мао Цзэдун провозглашает образование Китайской Народной Республики со столицей в Пекине. Сам Мао становится председателем правительства новой республики.

* * *

И только когда фронт откатился далеко на юг, Мао увидел наконец Цяо Цяо и Колю — своих новообретенных родных детей, с коими общался поначалу через переводчика, так как он не владел русским, а они — китайским.

Это необычное воссоединение необычной семьи описано в книге Ли Минь (она же Цяо Цяо). О его политических деяниях она судит понаслышке, зато приоткрывает подробности личной жизни.

Ли Минь пишет: «Отец был великим революционером и великим политиком. Но, в конце концов, он был человеком из плоти и крови — человеком, которому нужны были любовь и внимание, нужна была семейная жизнь. Никому не дозволено отнимать у революционеров право на любовь!»

Вскоре после возвращения из СССР, когда Цяо Цяо пришлось поступать в китайскую среднюю школу, отец сообщил, что придумал для нее новые имя и фамилию. На вопрос «зачем?» поведал, что некогда «Ли» был его любимый псевдоним. Но подлинную причину раскрывают содержащиеся в книге факты: Мао не хотел, чтобы дети использовали родство с выгодой для себя.

Когда Ли На, сводная сестра Ли Минь (дочь Мао и Цзян Цин, родившаяся в 1940 году), попала в больницу, отец велел записать ее там под именем Шэнь Цзюань, а ей наказал, чтобы выдавала себя за дочь его охранника Шэня.

При поступлении Ли Минь на работу отец строго предупредил: «Не говори, что ты дочь Мао Цзэдуна». Мао запрещал домочадцам пользоваться услугами персонала своей резиденции в Чжуннаньхае (повара, парикмахера и пр.).

В книге цитируется его наказ: «Не опирайтесь на меня, Мао Цзэдуна, — нужно опираться на собственные усилия, самим всего добиваться. Не пугайте моим именем людей».

Историки, публицисты любят сравнивать Мао и Сталина. Да, формальное сходство налицо: оба возглавляли главные коммунистические державы мира, оба были подозрительны. В книге Ли Минь обнаруживаются и иные черты сходства: Мао, как и Сталин, оказывается, был неприхотлив в быту, трудился по

ночам. Наконец, был категорически против каких-либо льгот для своих детей, против тенденции пестовать детей как «наследных принцев».

> До сих пор у нас еще немало таких людей, которые рассматривают отдельные формулировки, взятые из марксистско-ленинской литературы, как готовую чудодейственную панацею, полагая, что достаточно ее приобрести, чтобы без всякого труда излечивать все болезни. Это — невежество людей незрелых. Среди таких людей мы должны вести просветительную работу. Всякий, кто рассматривает марксизм-ленинизм как религиозную догму, является именно таким невежественным человеком. Такому нужно прямо сказать — твоя догма ни на что не годится. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин неоднократно повторяли, что их учение не догма, а руководство к действию[8].

Один из самых драматичных эпизодов книги — рассказ о гибели Сережи (Мао Аньина, старшего сына Мао Цзэдуна). Он был профессиональным военным, выучившимся в России. Вернувшись в Китай, он не смог стоять в стороне от проблем своей родины, и во время войны с Кореей попросился на фронт. 25 ноября 1950 года американский самолет сбросил напалмовые бомбы на штабное помещение, где в тот момент находился Сергей, переводчик генерала Пэн Дэхуая, командовавшего частями китайских народных добровольцев. «В новом помещении Генерального штаба китайских народных добровольцев стояла тишина, полная скорби и гнева, — пишет Ли Минь. — От такой тишины перехватывало дыхание, застывала кровь в жилах. Пэн Дэхуай, навалясь на небольшой квадратный стол, составлял телеграмму: «Сегодня во время вражеского налета на штаб китайских народных добровольцев погиб товарищ Мао Аньин».

— Председатель, я не уберег Аньина, это моя вина. Прошу наказать меня, — сказал Пэн Дэхуай по прибытии в Пекин. Последовавший ответ Мао сопоставим с реакцией Сталина на предложение обменять его плененного сына Якова на Паулюса: мол, он «лейтенантов на фельдмаршалов не меняет».

— Погиб простой боец, — заявил Мао, — и не надо делать из этого особое событие только потому, что это — мой сын. Неужели оттого, что он — мой сын, сын Председателя партии, он не может погибнуть во имя общего дела народов Китая и Кореи!

* * *

Сережа-Аньин был общепризнанным лидером, так сказать, «звездой», возглавлял сводную комсомольскую организацию детского дома. Заботливо опекал младшего брата (Колю-Аньцина) и сводную сестренку Цяо Цяо. Но именно с ним, с Сергеем, Мао был особенно строг.

Ли Минь приводит занятный рассказ брата. «Когда я только что приехал в Яньань, мне все было непривычно: быт, общение с людьми, обстановка кругом казались такими чуждыми. В детстве я бродяжничал, привык к вольнице, потом в Советском Союзе воспринял многие русские привычки. Отец однажды сказал: “Ты сейчас в Китае — в Яньани, а не в Советском Союзе. Ты должен следовать традиционным привычкам восточных людей”».

Переодев сына в залатанный ватник, Мао сказал: «Раньше ты ел хлеб, пил молоко, а теперь ты — в Китае и нужно попробовать шаньбэйскую чумизу. Ты должен жить, питаться и трудиться вместе со всеми сельчанами. Начнешь со вспашки земли и вернешься после сбора урожая».

Когда Сережа вернулся из деревни, на нем, повествует Ли Минь, была одежда из серого домотканого полотна, голова повязана полотенцем — загорелый дочерна, он теперь не отличался от крестьян Северной Шэньси. Мао был удовлетворен.

«Наш бледный толстячок, — констатировал он, — превратился в загорелого крепыша!» Но в том-то и дело, что его сын приехал из СССР отнюдь не белоручкой и не «толстячком». Сама же Ли Минь жалуется на скудость интердомовского питания военных лет: «На завтрак давали полкусочка хлеба и тарелку каши; на обед и ужин — по кусочку хлеба и тарелке картошки. Этого даже мне не хватало, не говоря уже о братьях».

Здесь будет уместно процитировать документ, вошедший в книгу, выпущенную несколько лет назад силами «ивановского землячества»: «Дорогой товарищ Сталин! Я — китайский юноша. В руководимой Вами Стране Советов проучился 5 лет. СССР я люблю так же, как люблю Китай. Я не могу смотреть, как германские фашисты топчут Вашу страну. Я хочу мстить за миллионы убитых советских людей. Я полон решимости идти на фронт. Пожалуйста, поддержите мою просьбу». Автор — Мао Аньин (Сережа), дата — май 1942 года.

Ответа он не получил, но приходит январь, и его приглашают в Московскую военно-политическую академию имени Ленина. Когда Мао Аньин ее окончил, война уже была на излете, но он все же успел побывать на фронте. При возвращении в Китай Сережа-Аньин хотел, видимо, щегольнуть советской военной формой перед отцом, Мао Цзэдун форму приказал снять. Не советский ли мундир вызвал предубеждение Мао, стал первопричиной многих

«домашних строгостей» вождя, его внутрисемейной кампании за выправление «заморских привычек» старшего сына? И его будущих кампаний с антисоветской начинкой («большого скачка» и «культурной революции»), военных столкновений на острове Даманский (Чжэньбаодао). Эти предположения, конечно, из сферы психологии, но.

* * *

Ли Минь настойчиво повторяет, что Мао Цзэдун был добрый, заботливый отец, но он был одинокий. В резиденции Чжуннаньхай, что расположена в центре Пекина близ императорского дворца Гугун, она прожила вместе с ним до 1963 года — 14 лет, включая первые годы после замужества. Не с даты ли ее вынужденного (под нажимом мачехи) отъезда началась фаза одиночества китайского вождя?

Судя по книге, его в те годы никто не любил (и не любит сегодня) столь беззаветно, как Цяо Цяо — Ли Минь. В свою очередь, и Мао был к ней искренне привязан. С нее не требовалось выправлять «заморские привычки». В отличие от безвременно погибшего Сережи (человека умного и волевого), от Коли — Аньцина (живущего по сей день, но психически нездорового), Ли Минь была для Мао (пользуясь одним из им же придуманных терминов) «чистым листом бумаги».

Он помогал дочери осваивать китайский язык, приобщал к культурным ценностям Китая (хотя ей, похоже, по сей день чужды и пекинская опера, и классический китайский роман. Кстати сказать, все китайские «ивановцы» до сих пор владеют русским лучше, чем китайским). А между ней и Мао неизменно стояла Цзян Цин, которая в 1976-м, пользуясь своей тогдашней властью, даже препятствовала Ли Минь навещать умиравшего отца.

Часть V
Да-чу. Воспитание великим

Мао Цзэдун разорвал отношения с Хэ в 1937 году. Но еще до этого он флиртовал с несколькими женщинами. Одной из них была, например, Лили Ву, актриса и переводчица. Называется еще несколько известных женщин, связи с которыми он не скрывал. При этом он всегда предпочитал эмоциональных и темпераментных женщин, которые не просто любили, а боготворили его.

Такой стала и третья (или четвертая, если считать детский брак) жена Цзэдуна. Свидетелем встречи Мао и молодой актрисы, выступающей под псевдонимом Лан Пинь (Голубое яблоко), была американская писательница Агнес Смэдли (помните скандальную сцену разрыва с Хэ?). В 1937 году она посетила «особый район» Яньань, контролируемый армией 44-летнего Мао Цзэдуна, одного из лидеров Коммунистической партии Китая.

«Свинья, мерзавец, не пропускаешь ни одной юбки! Как ты посмел пробраться сюда, чтобы переспать с этой буржуазной дрянью?!» — уже немолодая китаянка набрасывалась на мужа, норовя ударить его фонарем, а тот безуспешно пытался объяснить, что он-де «всего лишь говорил» с молодой актрисой.

Затем пришла очередь и невольной свидетельнице этой сцены услышать в свой адрес: «Империалистическая тварь! Ты всему виной, убирайся отсюда!» «Немолодой китаянкой», которую упоминала Агнес Смэдли, была 27-летняя Хэ Цзычжэнь, третья жена Мао Как мы уже упоминали, Цзэдун не простил ей публичного скандала и выслал за пределы Китая.

Поле боя осталось за Лан Пинь. Из Шанхая, откуда прибыла актриса, за ней тянулся след бурных романов, любовных скандалов и разбитых сердец. Так, в Яньане она оказалась после громкой истории, которая просочилась в шанхайскую прессу: ее второй муж, популярный актер Тан На, попытался покончить с собой после того, как Лан Пинь ушла от него к режиссеру. Тан На снял номер во гостинице, растолок спичечные головки в бутылке спирта, выпил смесь, но остался жив.

Шанхайские газеты склоняли имя Лан Пинь, изображая и актера, и режиссера жертвами расчетливой и хитрой деревенщины.

Лан Пинь действительно приехала в Шанхай из деревни. Ее настоящее имя было Ли Юньхэ. Она родилась в провинции Шаньдун в семье мелкого предпринимателя Ли в 1914 году. Ее

мать была шестой женой Ли и, по китайским традициям, самой бесправной. Вскоре, не выдержав жестокого обращения, она ушла из семьи. Лан Пинь растили бабушка с дедушкой.

В 1928 году она поступила на театральные курсы. Через два года вышла замуж за торговца, но этот союз оказался недолгим. После развода она перебралась в Циндао, где познакомилась с деятелями кино и театра. Лан Пинь стали перепадать сначала эпизодические, а затем и более значительные роли. Но после развода с Тан На путь на экран ей оказался заказан.

Лан решила бросить все и начать жизнь с чистого листа в принципиально ином обществе, чуть ли не в другой цивилизации, — в той части Китая, власть в которой принадлежала коммунистам.

В Яньань стекалось много молодых красавиц, привлеченных небывалой для традиционного феодального общества эмансипацией и романтическим образом революционеров. Официально этот шаг объяснялся тем, что с 18 лет Лан Пинь была связана с компартией, выполняя разовые задания и поручения коммунистов.

Мао увидел Лан на одном из ее концертов — она исполняла популярные арии. Партийный лидер пригласил ее на свою лекцию по марксизму-ленинизму. Лекции оказались интересными — Мао умел держать аудиторию. Лан часто задавала лектору вопросы и прослыла одной из самых прилежных слушательниц, что не могло не сказаться на симпатиях учителя к способной ученице.

Они стали встречаться после лекций, и однажды Мао пригласил ее в свой дом-землянку.

* * *

Лан Пинь была не единственной актрисой, которой Мао увлекся в Яньане. Мао не скрывал своих увлечений ни от жены, ни от окружающих. Своему лечащему врачу он признавался, что в жизни мог обойтись без секса «самое большее несколько дней».

Хэ Цзычжэнь его давно уже не интересовала — ее тело было изуродовано тяжелым ранением, а трудности революционного быта повлияли на ее психику. Хэ отвезли в Москву для лечения. Состояние ее здоровья стало ухудшаться. В конце концов ее вернули в Китай и поместили в психиатрическую лечебницу в Шанхае.

Некоторые биографы Мао Цзэдуна полагают, что молодой карьеристке Лан Пинь с ее артистическим даром не составило

труда соблазнить немолодого и огрубевшего в условиях походного быта мужчину. Другие резонно возражают, что по части артистизма Мао сам мог дать фору любому гениальному актеру, а по умению разбираться в людях с ним мало кто мог соперничать.

Те, кто общался с ним в это время, вспоминают, что в свои 45 лет Мао был еще вполне привлекательным мужчиной — «налитой силой, уверенный в себе, все время пошучивающий богатырь, ходящий вразвалочку, словно вставший на задние лапы медведь. Мощные плечи, проницательные глаза, мягкая улыбка и, самое главное, исходящая от него магия Лидера с большой буквы». Мао прекрасно умел и очаровывать, и стирать в порошок, и в деле манипуляций людьми достиг совершенства. При первой встрече он мог очаровать подданного, затем обрушить на него свою немилость, а потом, когда раздавленный человек ждал заключения или расстрела, помиловать и вновь приблизить к себе — и тот служил Мао верой и правдой, как преданная собака. Вряд ли могущественный вождь мог позволить играть собой.

Так что, скорее всего, со стороны Лан Пинь это была настоящая любовь, которая, похоже, так увлекла Мао, что ради нее он впервые в жизни был готов пожертвовать даже уважением товарищей по партии.

Лан Пинь с Мао переехали в Янцзялин, поселились в жилой пещере из трех комнат.

Лан постаралась превзойти предыдущих женщин Мао в искусстве обустройства домашнего очага. Несмотря на то, что в жилище не было ни водопровода, ни электричества, пещера преобразилась в уютное семейное гнездо: земляные стены облицевали камнем, пол вымостили кирпичом. Во дворе появилась утрамбованная площадка, на которой поставили стол и каменные скамейки. Лан Пинь взяла на себя все заботы о быте Мао. Она буквально благоговела перед ним и, как признавалась позже, никогда, даже в самые интимные минуты, не могла позволить себе назвать его по имени — только Председателем.

Оформив развод с Хэ Цзычжэнь, Мао объявил о том, что женится на актрисе. Соратники Мао, сочувствовавшие его бывшей жене, буквально завалили его коллективными письмами: «Председатель, мы надеемся, что вы не женитесь на этой артистке, у нее дурная репутация». Дело Мао обсуждали на заседании Политбюро ЦК КПК. Руководство волновал не столько тот факт, что намечающийся брак будет у Мао четвертым, сколько «буржуазность» невесты. И хотя с классовым происхождением у Ли Юньхэ все было в порядке, руководство смущали слухи о том, что когда националисты посадили ее в

тюрьму, заподозрив в связях с коммунистами, она вышла оттуда, подписав отречение — акт, расцениваемый партией как предательство. Главную роль в урегулировании семейного дела сыграл Кан Шэн, начальник разведки коммунистов. Собранные им сведения о шанхайском прошлом избранницы Мао, хотя и не слишком убедительно, но опровергли слухи, и партии пришлось дать Мао разрешение на брак.

После свадьбы молодая жена взяла себе новое имя — Цзян Цин (Лазурный поток) и вступила в КПК.

Многие соратники Мао усмотрели в этом карьерные побуждения. «Ей нравилось чувствовать себя „в свете прожекторов", нравилось, чтобы ею восхищались, — вспоминал Ли Иньцао, телохранитель Мао. — Зимой все кутались в вороха теплой одежды, а Цзян обязательно ее перешивала, чтобы подчеркнуть свою тоненькую фигурку. У нее были иссиня-черные волосы, перехваченные лентой и падающие хвостом до середины спины, тонкие брови, ярко блестевшие глаза, аккуратный носик и крупный, щедрый рот.»

Как и Ли Иньцао, люди, хорошо знавшие Мао, отказывались верить, что к нему можно испытывать простые человеческие чувства. Тем не менее, это было именно так. Стараясь не расставаться с мужем ни на один день, она участвовала в боевых походах, стойко перенося невзгоды и не требуя для себя никаких особых условий.

> В мире происходит прогресс, перспективы светлые, и этот общий ход развития истории никто не в силах изменить. Мы должны постоянно вести среди народа пропаганду, рассказывая ему о происходящем в мире прогрессе и о светлых перспективах, с тем чтобы он проникся верой в победу. Вместе с тем мы должны также сказать народу, сказать товарищам, что путь извилист[9].

* * *

К удивлению многих актриса оказалась прекрасной матерью. Когда у Цзян Цин родилась дочь, она перестала появляться на людях, целиком посвятив себя воспитанию маленькой Ли На.

В первые десять лет их совместной жизни, с сороковых годов до начала пятидесятых, Цзян Цин не участвовала ни в каких публичных мероприятиях. Она занимала рядовую должность заместителя заведующего сектором литературы и искусства в ЦК и была, по сути, личным секретарем Мао.

Переписывала его бумаги и с огромным удовольствием занималась детьми — Мао взял к себе в дом сыновей от предыдущего брака.

Близкие знакомые семьи отмечали, что Цзян Цин совсем не интересовало, что происходит вне дома, а Мао привык к ее заботам настолько, что без нее капризничал как ребенок, — отказывался принимать лекарства, если болел, и тиранил партийную обслугу.

Перемена в отношении к Цзян произошла у Мао внезапно. После того как у нее обнаружили рак матки и ей пришлось пройти стерилизацию, он перестал видеть в ней женщину. Мао признался своим приближенным: «Семейная жизнь у меня опять не сложилась. Цзян Цин моя жена, будь она лишь моей сотрудницей, я бы тотчас избавился от нее.»

С Цзян случилась тяжелая депрессия. Ее усугубило то, что муж перестал скрывать от нее своих молодых любовниц.

У Мао и раньше бывали «увлечения», но Цзян благоразумно закрывала на это глаза. Теперь, подойдя к шестидесятилетнему рубежу, Мао не пропускал ни одной юбки. По даосскому трактату «Секреты простушки», бывшему настольной книгой Мао, «тому, кто стремится продлить жизнь, следует обращаться непосредственно к ее источнику.

Мужчине необходим частый, постоянный контакт с молодым телом».

Мао, озабоченный продлением молодости, следовал советам буквально. Цзян Цин признавалась его личному врачу: «Доктор Ли, вы совершенно не знаете Председателя. Он очень любвеобилен и не пропускает ни одной женщины. Его мудрый разум никогда не восстанет против плотских утех, а девушек, готовых пожертвовать чем угодно, чтобы доказать ему свою преданность, более чем достаточно».

* * *

Дочь Хэ, брошенная ею в России, и по возвращении обласканная отцом, вспоминает о тех годах: «Что касается личных чувств Цзян Цин и моего отца, то это все отошло в прошлое, и меня больше не волнует, что Цзян Цин была моей мачехой и что она плохо относилась ко мне. Для меня осталось важным только ее отношение к отцу. По идее, Цзян Цин должна была дать моему отцу счастье, по меньшей мере позаботиться о том, чтобы отец на старости лет не чувствовал себя одиноким. Но в реальной жизни получилось наоборот».

В другом месте Ли Минь пишет: «Трагедия заключалась еще и в том, что Цзян Цин, все время преследовавшая мою маму, сама не дала моему отцу счастья и, главное, что ее амбиции принесли столько бед всей стране».

Ли Минь детально прослеживает перипетии политического самоутверждения Цзян Цин. В 1938 году, согласившись на брак Мао Цзэдуна с Цзян Цин, руководство КПК потребовало, чтобы последняя не вмешивалась в политическую работу супруга. И полтора десятилетия их совместной жизни это условие соблюдалось: Цзян Цин занимала рядовую должность. Первые (еще робкие) попытки ее вмешательства в партийнополитические дела относятся к середине 1950-х годов. А в 1966-м ее имя прогремело на весь мир: жена Мао стала запевалой «культурной революции», обернувшейся для страны экономическим хаосом, раздуванием антисоветизма (все «ивановцы» и все, кому довелось учиться в СССР, попали в «черные списки»).

* * *

В начале пятидесятых годов Мао Цзэдун вкушал плоды своих побед. Его главный враг и соперник Чан Кайши был разгромлен, весь китайский народ оказался вовлечен в строительство коммунизма, и во главе огромной страны оказался он, Мао, сын мелкого деревенского спекулянта, учитель начальной школы.

Но годы борьбы не прошли бесследно. Цзэдуна начали посещать параноидальные мысли — ему все время казалось, что его подсиживают, пытаются сместить. Возможно, отчасти так и было, ведь партия тогда еще не была столь однородна, как годы спустя. Но Мао не оставил оппозиции ни единого шанса.

С 1951 года в стране прокатилась новая волна репрессий — уже третья на совести Мао. По его предложению было принято «Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность». Этот закон предусматривал в числе прочих видов наказания смертную казнь или длительное тюремное заключение за разного рода политические и идеологические преступления.

В больших городах Китая проводились открытые показательные суды, на которых после публичного объявления преступлений «опасные контрреволюционеры» приговаривались к смерти. В одном только Пекине в течение нескольких месяцев состоялось около 30 000 митингов; на них в обшей сложности присутствовало более трех миллионов человек. Длинные списки казненных «контрреволюционеров» постоянно появлялись в газетах.

Что касается количества жертв, то в октябре 1951 года было официально указано, что за 6 месяцев этого года было рассмотрено 800 000 дел «контрреволюционеров». Позднее появились сообщения, что 16,8 % «контрреволюционеров», находившихся под судом, были приговорены к смертной казни.

Таким образом было подавлено всяческое инакомыслие, и уже никто не мешал Мао ставить его социальные эксперименты.

* * *

Для того, чтобы понять и оценить все последующие события, надо ясно видеть, что представлял собой Мао Цзэдун на пороге своего пятидесятилетнего юбилея. Наполненный идеями, представлявшими собой головокружительную смесь философских, религиозных и экономических систем, он был одержим мечтой создать империю, превосходящую по своему размаху все существующие до этого государства. Он жаждал оставить далеко позади СССР и США, ему претила мысль, что эти супердержавы, обладая значительно меньшим человеческим ресурсом, могли диктовать (или пытаться это сделать) свою волю.

Ему нравилось осознавать себя величиной. Он тренировал специальный взгляд и специальный тон. Приближенные, заглядывая к нему в кабинет (пока это еще можно было делать безнаказанно), часто заставали его в позе созерцания и размышления. Он смотрел вдаль, обдумывая недоступные простым смертным проблемы, и не реагировал на вошедшего. Такой образ подавлял людей и заставлял их раболепствовать.

Вместе с тем в глубине души Цзэдун оставался романтиком, которому претили заботы о бренном. Как и в раннем детстве, он не хотел утруждать себя подсчетом денег, решением бытовых проблем, заботой о дне сегодняшнем. Он видел себя Нефритовым императором, а разве достойно императора всматриваться в пыль под ногами! Он был безусловно умен, но вот обычной житейской или даже крестьянской хитрости и мудрости ему недоставало. Зная человеческую сущность, виртуозно играя на любви и страхе, он не хотел придавать значения обычным человеческим потребностям, не учитывал их в своих планах.

Во многом именно этим можно объяснить провал всех грандиозных начинаний, которые он проводил в послевоенные годы. К тому же плохую службу ему сослужила преданность соратников (точнее, отсутствие оппозиции и страх перед репрессиями). Каждое указание Мао воспринималось через лупу почитания и преклонения и, пройдя через слои чиновников,

усиливалось стократно. Множились и ошибки. Все это со временем получило название «перегибов на местах», но людям от этого проще не стало — миллионы китайцев стали жертвами социальных преобразований в стране.

После победы народной революции Мао Цзэдун постоянно пытался, перешагнув через объективные факторы, форсировать развитие Китая. Жажда величия и национального превосходства привела его к наивной мечте: в короткий срок превзойти в экономическом и военном отношении СССР и США, а значит, и все страны мира. Страна превратилась в грандиозный полигон для эксперимента, испытания на практике его идей.

В декабре 1953 года ЦК коммунистической партии Китая объявил первую пятилетку. Основной ее задачей стало проведение в жизнь идеи кооперации. К 1957 году пятая часть населения Китая должна была войти в сельскохозяйственные кооперативы — аналоги советских колхозов.

Это было воспринято, разумеется, как указание, и кооперирование пошло полным ходом. Если в июле 1955 года в кооперативах было 16,9 миллиона крестьянских семей (14 %), то к июню 1956 года насчитывалось уже более 108 миллионов семей (90,4 %). Вот оно — наглядное проявление перегибов. Вместо 20 % населения кооперация объединила почти в пять раз больше.

В 1958 году в Китае началась очередная всенародная кампания. На этот раз ее объектом стали мухи, комары, воробьи и крысы. Каждая китайская семья должна была продемонстрировать свое участие в кампании и собрать большой мешок, доверху наполненный этими вредителями. Особенно интенсивным было наступление на воробьев. Стратегия заключалась в том, чтобы не давать воробьям сесть, держать их все время в воздухе, в полете, пока они не упадут в изнеможении. Тогда их убивали.

Но неожиданно все это обернулось экологической катастрофой. Жители Китая стали наблюдать что-то невероятное: деревья покрылись белой паутиной, вырабатываемой какими-то червями и гусеницами. Вскоре миллионы отвратительных насекомых заполнили все: они забирались людям в волосы, под одежду. Рабочие в заводской столовой, получая обед, находили в своих тарелках плавающих там гусениц и других насекомых. И хотя китайцы не очень-то избалованы, но и у них это вызывало отвращение.

Природа отомстила за варварское обращение с собой. Кампанию против воробьев и насекомых пришлось свернуть. Зато полным ходом развертывалась другая кампания. Ее объектом стали люди — 500 миллионов китайских крестьян, на которых

ставился невиданный эксперимент приобщения к неведомым им новым формам существования.

* * *

> Интеллигенты должны быть сразу красными и обученными. Чтобы быть красными, они должны полностью перестроить свои умы, преобразовав свое буржуазное мировоззрение. Им не нужно читать много книг, что они должны сделать, так это усвоить правильное понимание следующих вопросов. Что такое пролетариат? Что такое диктатура пролетариата?..[10]

В августе 1958 года по предложению Мао было принято решение Политбюро ЦК КПК о создании «народных коммун», и через 45 дней появилось официальное сообщение, что практически все крестьянство вступило в коммуны.

Организаторы коммун ставили задачу приобщить народ Китая к совершенно новым формам трудовых отношений, общественной жизни, быта, семьи, морали, которые выдавались ими за коммунистические формы. Предполагалось, что коммуна, которая впоследствии должна была распространиться на городское население, станет универсальной производственной и бытовой единицей существования каждого человека. Все существующее до этого общество и личные формы отношений были обречены на разрушение.

Даже семья — этот высокочтимый испокон веков в Китае институт — должна быть разрушена, а взаимоотношения внутри нее подчинены жестокому контролю со стороны властей. Но и эта затея потерпела крах.

Иногда Мао Цзэдуна одолевали сомнения в правильности и эффективности своих планов, но он считал, что следует продолжать их пропаганду, чтобы не остудить энтузиазм масс. И, чем хуже становилось положение в стране, тем сильнее раздувался культ Мао Цзэдуна, тем громче звучали слова о его мудрости. Мао следовал той традиции, которая утверждала, что император никогда не ошибается. Он может быть обманут чиновниками, которых и следовало винить, если мудрые советы императора провалились.

Впрочем, и провал он мог обратить на свою пользу. Так в 1959 году, после того, как стало понятно, что из идеи коммун тоже ничего путного не вырастет, Мао предпринял смелый шаг — он публично уступил место председателя республики своему

коллеге Лю Шаоци. Правда, перед этим он опроверг резкую критику в свой адрес и репрессировал очередную партии оппозиции — маршала Пэн Дэхуая и его сторонников.

Добровольным отказом от места председателя КНР Цзэдун снял с себя обвинения в тоталитаризме — дескать, о каком засилье идет речь, если я всего-навсего скромный лидер коммунистической партии, а на пост председателя республики может претендовать кто угодно.

Но Мао и не думал уступать область внутренней политики Лю Шаоци или другим руководителям. Он и не собирался отказываться от особого положения в партии и государстве. Мао хотел возвыситься еще больше, стать императором. Уступив же свой пост Лю Шаоци, он возненавидел последнего за то, что тот действительно стал вести себя как глава государства и все реже обращался к Мао за советом и указаниями. Он не мог примириться, что в Китае появился второй председатель.

* * *

Интересные факты сообщает личный врач вождя Ли Чжисуй об известном совещании семи тысяч кадровых работников, проходившем в Пекине в январе 1962 года. Врач рассказывает, как Мао Цзэдун был буквально взбешен, когда услышал, что большую часть вины за экономические трудности и беды Лю Шаоци в своем докладе возложил не на природные условия, а на человеческий фактор, то есть на политику, автором которой был Мао Цзэдун. И хотя Мао Цзэдун выступил на этом совещании с некоторой самокритикой, виновным он себя в душе не считал. По мнению врача, которому Мао Цзэдун изложил свои истинные чувства, это была очередная тактическая уловка с целью удержать в руках руководство партией. Он злобно воспринял попытки участников совещания объективно проанализировать последствия «большого скачка», и, напротив, был восхищен речью Линь Бяо, который объяснил возникновение трудностей тем, что местные партийные работники не претворяли в жизнь указания вождя и не слушали его советов.

Именно поэтому Мао Цзэдун избрал Линь Бяо в качестве орудия для осуществления своих планов по разгрому партийного руководства и партийного аппарата, которые пытались поправить дела и тем самым отходили от его левацких установок.

Осенью 1962 года Мао начал новое наступление на оппозиционные ему силы в рядах КПК. На сей раз лозунгом стало преодоление «ревизионизма». Вновь в качестве средства борьбы

были развернуты массовые кампании. Удар на этот раз пришелся по партийным кадрам. Свертывалась внутрипартийная демократия, нарушался Устав КПК. Как отмечалось позднее, самовластный стиль работы Мао «постепенно нарушил демократический централизм в партии, культ его личности все возрастал». То был пролог «культурной революции».

В 1965 году резко возросли тиражи изданий работ Мао Цзэдуна по всей стране, причем в некоторых провинциях в 20–40 раз по сравнению с 1963 годом. В одном только 1966 году было издано 3 миллиарда «цитатников» Мао Цзэдуна на многих языках мира.

Со второй половины 1962 года, как только наметились первые признаки стабилизации экономического положения в стране и ослабла висевшая над Китаем угроза голода, Мао Цзэдун и его сторонники взялись за раздувание культа «вождя» и военизацию жизни страны. С начала 1964 года эта кампания приняла особенно широкие масштабы и проходила под общим лозунгом «учиться у Народно-освободительной армии Китая».

С целью пропаганды культа Мао в 1963–1965 годах одно за другим развертываются движения «за социалистическое воспитание», «за революционизацию», «за изучение произведений Мао Цзэдуна», в ходе которых распространяются указания Линь Бяо о том, что чтение или изучение той или иной работы Мао Цзэдуна является священной обязанностью всех военных кадров.

В июле 1964 года было распространено указание Мао Цзэдуна о необходимости революционизации творческих союзов китайской интеллигенции, которая в последние годы находится «на грани перерождения в ревизионистов». В 19641965 годах было проведено «перетряхивание» руководства всех творческих союзов, входивших во Всекитайский союз работников литературы и искусства.

В зарубежную печать проникли сведения о том, что уже на секретном заседании ЦК КПК в сентябре 1965 года Мао Цзэдун провозгласил программу развертывания «культурной революции», состоявшую из нескольких этапов. На первом из них предполагалось нанести удар по определенной части деятелей литературы и искусства.

На втором этапе намечалось осуществить чистку в партии, государственном аппарате и других звеньях управления. На третьем этапе предполагалось полностью утвердить «идеи Мао Цзэдуна» в КПК, а возможно, и возобновить политику «большого скачка» в экономике, а также усилить экстремистскую внешнюю политику.

> Социалистический строй в конечном счете заменит капиталистический строй — это объективный закон, независимый от воли людей. Как бы реакционеры ни пытались затормозить движение колеса истории вперед, революция рано или поздно произойдет и неизбежно одержит победу. У китайского народа есть выражение, характеризующее поступки некоторых глупцов: «Подняв камень, себе же отшибают ноги». Именно такими глупцами и являются реакционеры различных стран. Репрессии, проводимые ими в отношении революционных народов, в конце концов могут лишь стимулировать еще более широкую и еще более бурную народную революцию. Разве всякого рода репрессии русского царя и Чан Кайши против революционных народов не сыграли такой стимулирующей роли в отношении великой русской революции и великой китайской революции?[11]

* * *

Цзян Цин, чтобы доказать свою любовь и преданность охладевшему к ней Мао, была готова на любые жертвы. Когда в 1965 году Мао, для того чтобы избавиться от политических противников, потребовалось «разжечь пламя великой пролетарской культурной революции», он смог довериться только Цзян Цин. В обстановке строжайшей секретности готовила она кампанию против «каппутистов», «идущих по капиталистическому пути».

Затем, как того хотел Мао, она призвала молодежь «свергать буржуазные элементы» — интеллигенцию, старые партийные кадры. «С молотом в руке, подняв сжатый кулак, — подавала она пример молодежи, — я пошла в наступление на все старое».

Очевидцы рассказывают, что Цзян Цин сумела сыграть свою роль блестяще: среди китайских юношей и девушек 70-х она была популярнее любой киноактрисы. Вдохновленные призывами свергать отжившую буржуазную культуру, студенты и школьники организовывались в отряды хунвэйбинов — так называемых «красных охранников» новой революционной культуры. От их скорого суда и жестокой расправы не были застрахованы ни чиновники, ни профессура университетов, ни простые граждане.

Вряд ли Цзян Цин предполагала, что начатая ею «культурная революция» закончится гибелью, по некоторым данным, 20 миллионов человек. Как писал о том периоде один из самых

авторитетных биографов Мао Филип Шорт, «никто, включая самых близких Председателю людей, не знал, что заставило его избрать такую непостижимо сложную и беспощадную тактику. Еще менее предсказуемым был ее конечный результат».

Разом превратившись из домохозяйки в главную «культурную революционерку», Цзян Цин была поднята подобострастными партийными функционерами на небывалую высоту. Ее мнением интересовались по всякому поводу, но она отвечала на вопросы неизменным признанием в любви к Председателю. По всему Китаю шли поставленные по ее наивным либретто оперы. Главными героинями в них, как правило, были женщины, у которых пусть даже и отсутствует личная жизнь, но зато есть Великий Кормчий. В кульминационный момент героиня пела: «Я думаю о Председателе Мао!» — и ее тут же осеняли светлые идеи, позволяющие преодолеть все трудности.

Мао как будто не замечал стараний Цзян Цин. В разгар «культурной революции» ее переселили из резиденции Чжуннаньхай, где остался Мао, в правительственный городок в западном пригороде Пекина. Дошло до того, что Мао установил такой порядок: если Цзян Цин пожелает встречи с ним, то должна получить разрешение Канцелярии ЦК. Впоследствии это позволило сохранить веру многих китайцев в то, что Великий Кормчий непричастен ко всем жестокостям, творившимся во время «культурной революции», и был попросту обманут своей женой.

В 1972 году, когда «культурная революция» выполнила свою задачу и противники Мао были уничтожены, Великий Кормчий выступил с критикой тех, кто ее так «неудачно» проводил. Цзян Цин он открыто не упомянул, но всем и так было понятно, о ком речь. Сразу же по стране поползли слухи о «кровавой Цзян». Самые обидные — о том, что она, оказывается, вовсе не любит Председателя и изменяет ему с многочисленными любовниками, среди которых и глава китайской госбезопасности, и красавец теннисист, и солисты балета.

Цзян Цин понимала, что все эти слухи распространялись с одобрения на самом верху. Они были тем более унизительны, что у Мао именно тогда появилась новая фаворитка Чжан Юфэн, о которой знал весь «ближний круг» Председателя. Эта восемнадцатилетняя проводница правительственного спецпоезда стала чуть ли не первым человеком в государстве. Никто не мог зайти к вождю без ее позволения. Цзян к тому времени могла бы стать и самостоятельным игроком на политической сцене, но, тем не менее, оставалась, возможно, самой верной из соратников Мао, уже деливших власть, ускользающую из рук слабеющего

Председателя. Мао, все чаще отсутствующий по состоянию здоровья на заседаниях, присылал жене записки с указаниями: «Цзян Цин! Дэн Сяопин едет за границу по моему предложению. Ты лучше не протестуй. Будь осторожна». Она беспрекословно выполняла все его распоряжения..

* * *

Цзян Цин была горда тем, что Мао поручал ей то, чего не мог доверить больше никому. На Западе вовсю заговорили о «красной императрице», которая унаследует трон после смерти мужа. Мао отнесся к этим предположениям с небывалой ревностью. По крайней мере, так это выглядело на людях. Это была еще одна затеянная им игра, жертвой которой должны были стать те, кто надеялся использовать Цзян Цин, чтобы прийти к власти. Узнав, что известная американская феминистка Роксана Уитке издает о Цзян Цин книгу, он рассвирепел. Как оказалось, в основу книги были положены интервью Цзян, данные ею без разрешения Мао. «Она невежда и ничего не смыслит в делах, — кричал Председатель. — Немедленно вышвырните ее из Политбюро! Мы разведемся, каждый пойдет своим путем!» Кан Шэн, тот самый начальник разведки, который в 40-х годах помог Мао оправдать Цзян Цин перед Политбюро, понял Председателя слишком буквально. Как рассказывал Филип Шорт, уже через неделю он написал Мао письмо, в котором сообщал, что имеются неопровержимые доказательства принадлежности Цзян Цин к гоминьдановской агентуре. Говорили, что смерть помешала Кан Шэну отправить это письмо. Так ли это — неизвестно, потому что вскоре, 9 сентября 1976 года, умер Мао. Тем не менее, доклад Кан Шэна, похоже, попал в руки тех, кому он и предназначался. В ночь на 6 октября 1976 года вдова Мао и еще трое известных китайских политиков были арестованы. Против них было выдвинуто обвинение в том, что они готовили государственный переворот, чтобы возвести на пост председателя партии Цзян Цин.

В ноябре 1980 года начался процесс «банды четырех»: Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэня и Яо Вэньюаня. По китайскому телевидению в течение многих недель вновь и вновь показывали документальные фильмы об ужасах «культурной революции». В прессе появились откровения когда-то обиженных Цзян Цин горничных, охранников. Были опубликованы и воспоминания доктора Ли Чжисуя. Из них читатели узнали, что у Цзян Цин на правой ноге было шесть пальцев — существенный

психологический нюанс, позволяющий многое объяснить в ее поведении с точки зрения комплекса неполноценности. Суд, впрочем, такие мелочи не интересовали. Согласно обвинению, подсудимые лично приговорили к смерти 38 тысяч человек, еще 730 тысяч китайцев в ходе «культурной революции» были безосновательно осуждены на разные сроки.

Когда судьи обвинили Цзян Цин в том, что с целью захвата власти она готовила заговор против Мао, вдова не выдержала. «Я делала только то, что говорил Председатель Мао! — кричала она в ответ на обвинения. — Я делала это из любви к Председателю. Я была его верной собакой — кусала тех, кого он приказывал кусать!»

Процесс завершился в январе 1981 года. «Банда четырех» была приговорена к смертной казни.

«Да здравствует Мао!» — единственное, что сказала Цзян Цин, выслушав приговор.

Многие китайцы считают, что перед лицом смерти Цзян лишь играла роль преданной соратницы, а на самом деле эта женщина мечтала лишь о том, чтобы занять место своего мужа.

Западные биографы придерживаются мнения, что Мао, как опытнейший политик, сам создал оппозиционную группировку, возглавляемую полностью подчинявшейся ему женой. Пока оппозиционеры в партии дрались за власть между собой, он мог чувствовать себя в безопасности.

Как бы то ни было, но фактом является то, что авторитет Великого Кормчего после его смерти не пошатнулся, а все абсурдные жестокости «культурной революции» стали ассоциироваться, главным образом, с именем его вдовы.

О том, что вина Цзян Цин не столь уж велика, а Мао совсем не безгрешен, заговорили после того, как смертный приговор участникам «банды четырех» был неожиданно заменен на пожизненное заключение.

Цзян Цин поместили в особо охраняемый пекинский особняк, полностью изолировав ее от внешнего мира. Разрешили только встречи с дочерью. Возможно, именно она рассказала Цзян Цин, что в стране уже открыто разрешено говорить о том, что подлинным автором кровопролитной «культурной революции» был Мао. Для Цзян Цин это было крушением ее мира. Она была и оставалась фанатично преданной идеям своего «любимого Председателя». Все его измены она прощала только потому, что считала своего мужа по-настоящему великим человеком. Даже если, как ее обвиняли, она и намеревалась встать у руля страны после смерти мужа, то только для того, чтобы продолжить воплощать его идеи.

14 мая 1991 года вдова Мао сделала петлю из пояса халата и покончила жизнь самоубийством. Среди ее вещей нашли короткую, как признание в любви, записку, написанную Мао незадолго до его смерти: «Я был несправедлив к тебе».

Послесловие к мемуарам содержит такую констатацию: «В октябре 1976 года была разгромлена «банда четырех». Цзян Цин начала отбывать срок в тюрьме, своей свободой поплатившись за те десять лет смуты, которые она принесла Китаю и всему народу. Свет победил тьму, и тюрьма явилась для нее наилучшим местом пребывания. Не одна я такого мнения о ней, и эти мысли родились не на почве личных обид.»

* * *

Особенность «культурной революции» заключалась в том, что проводилась она меньшинством, хотя и возглавляемым лидером партии, против большинства в руководстве ЦК КПК.

Только в августе 1966 года был созван 11-й пленум ЦК КПК для рассмотрения вопроса о «культурной революции».

Во время работы пленума Мао Цзэдун опубликовал свою доцзыбао под названием «Огонь по штабу». Он в ней, по сути дела, призывал к разгрому центральных и местных партийных органов, объявленных буржуазными штабами. В резолюции съезда содержалось беспрецедентное даже для нравов КПК положение, согласно которому революционные учащиеся освобождаются от ответственности за все совершенные в «ходе движения преступления и правонарушения, кроме убийств, отравлений, поджогов, вредительства, хищения государственных тайн и контрреволюционных преступлениях».

В 1966 году развернулась «великая культурная революция», длившаяся 10 лет. Многие старые кадры стали объектом гонения и нападок. С 1966 по 1976 год было репрессировано около 100 миллионов человек, уничтожены многие старые коммунисты и деятели культуры. Репрессии велись по спискам, составлявшимся органами государственной безопасности.

18 августа 1966 года, выступая на митинге, Мао Цзэдун перед сотнями молодых людей объявил о создании организации хунвэйбинов.

Через каких-то несколько дней сотни тысяч юных участников организации буквально наводнили всю страну, объявив беспощадную войну «старому миру».

Хунвэйбины писали в своем манифесте: «Мы — красные охранники Председателя Мао, мы заставляем страну корчиться в

судорогах. Мы рвем и уничтожаем календари, драгоценные вазы, пластинки из США и Англии, амулеты, старинные рисунки и возвышаем над всем этим портрет Председателя Мао». Хунвэйбины разгромили многие книжные магазины в Пекине, Шанхае и других городах; отныне они могли торговать исключительно произведениями Мао Цзэдуна.

Подвергая разгрому семьи и дома противников «идей Мао Цзэдуна», хунвэйбины помечали дома «преступников» специальным знаком, совсем как во время печально известной Варфрломеевской ночи.

Вскоре фразы о «социалистическом воспитании трудящихся», о «новой пролетарской культуре» были отброшены в сторону. С предельной откровенностью заявлялось, что «великая культурная революция вступила в этап борьбы за всесторонний захват власти».

Были разогнаны партийные комитеты, руководящие органы комсомола, всекитайского федерального профсоюза. Затем маоисты стали захватывать руководство в центральных и местных органах печати, в провинциальных органах власти. Наконец дело дошло до ЦК КПК.

В начале 1967 года, когда было официально объявлено об установлении военного контроля над партийными и государственными органами, эра хунвэйбинов подошла к концу. Их миссия была выполнена, и с ними быстро и безжалостно расправились, Что же стало с 25 миллионами хунвэйбинов, которые служили верной опорой Мао в 1966 году? Активисты, около 7 миллионов человек, были сосланы на физические работы в отдаленные провинции в соответствии со следующим указанием Мао: образованных молодых людей крайне необходимо направлять в деревню, чтобы крестьяне-бедняки и низшие середняки могли перевоспитывать их.

> Великий бунт в Поднебесной достигает великого упорядочения в Поднебесной. Так происходит каждые семь-восемь лет. Рогатые черти и змеиные духи выскакивают сами. Это определяется самой их классовой природой, они непременно выскакивают[12].

С момента прихода к руководству в 1935 году Мао стал все более возвышаться над другими руководителями, так что в конце концов он смог безнаказанно игнорировать волю большинства ЦК КПК, волю партии и народа. Только в такой обстановке Мао сумел в период «культурной революции» отстранить не только ЦК КПК, но и всю партию, комсомол, профсоюзы и другие организации от решения коренных проблем политики.

Режим личной власти Мао Цзэдуна существовал не на пустом месте. Он имел широкую социальную опору, прежде всего в лице «ганьбу» — функционеров, занятых в партийном, государственном, хозяйственном, военном аппаратах управления. В состав этой группы входили примерно 20–30 миллионов человек. Они назначались исключительно сверху на основе строгого отбора, причем главным критерием отбора считалась преданность идеям Мао Цзэдуна.

В апреле 1969 года на IX съезде КПК был принят новый устав, в котором «идеи Мао Цзэдуна» вновь провозглашались теоретической основой деятельности компартии.

Подозрительность Мао принимала маниакальные формы. Он боялся заговоров, покушений, опасался, что его отравят, и потому во время своих поездок останавливался в специально построенных для него домах. Не раз он со своей многочисленной свитой, с наложницами и охранниками неожиданно покидал отведенную ему резиденцию, если она казалась ему подозрительной. Мао остерегался купаться в сооруженных для него местных бассейнах, боясь, что вода в них может быть отравлена. Исключением был бассейн в Чжуннаньхае. Во время поездок он часто менял маршрут, сбивая с толку железнодорожное начальство и путая графики движения поездов. Вдоль пути его следования выставляли многочисленную охрану, на станции не пускали никого, кроме местных боссов и работников службы безопасности.

Официальная пропаганда усиленно насаждает мысль о том, что Мао Цзэдун не раз высказывал недовольство деятельностью жены и других подручных, известных как «банда четырех», что он якобы подготовил их арест и смещение с ответственных постов после своей смерти.

И здесь проявилось лицемерие Мао Цзэдуна, который, критикуя отдельные поступки Цзян Цик, старался спасти ее и ее сподвижников, укрепить их власть в партии и государстве.

* * *

Проповедуя аскетизм, скромность и умеренность, сам он себе не отказывал ни в чем. Особенно развратный образ жизни Мао вел в следующие годы. Во время поездок по стране, которые дорого обходились государственно-партийной казне, он не знал удержу в удовлетворении своих плотских вожделений, и местные кадры, чтобы угодить вождю, подбирали молодых девушек. После его смерти большое число женщин обращалось в ЦК КПК с

просьбой о выдаче им пособий на воспитание детей, отцом которых был Мао Цзэдун. Создание специальной комиссии по рассмотрению этих прошений свидетельствует, что заявления женщин о своей близости с вождем были правдивыми.

Аморальность натуры Мао Цзэдуна выражалась и в равнодушии к судьбам людей, в отсутствии жалости и сострадания. Врач рассказывает, как в шанхайском цирке, когда во время представления упал и разбился насмерть молодой гимнаст, все зрители закричали от ужаса, и лишь на лице Мао Цзэдуна не отразилось ничего. Грубым цинизмом отличалось и его обращение со своими наложницами.

Отличительной чертой Мао было лицемерие. Он постоянно призывал своих подчиненных к честности, правдивости, подчеркивал, что он противник лжи и обмана. На практике же Мао Цзэдун злобно обрушивался на тех, кто пытался открыть ему глаза на истинное положение дел в стране, правдиво рассказать о страшных последствиях его политики, о голодной смерти миллионов крестьян. И, наоборот, тех, кто, желая угодить вождю, приукрашивал действительность, бесстыдно врал, докладывая ему о великих успехах, он поощрял, повышал в должности, ставил в пример другим. Мао добился того, что ложь стала господствовать во всех звеньях партии. Один из помощников Мао Цзэдуна заметил, что в стране играется многоактная китайская опера, поставленная для одного зрителя, которого радуют вымышленные героические сцены.

Мао Цзэдун скончался 9 сентября 1976 года в 0 часов 10 минут. Его смерть не была неожиданной. Уже более трех месяцев Мао не появлялся на публике. Во второй половине дня поступило официальное сообщение, началась траурная церемония. Она длилась девять дней и закончилась 18 сентября.

Годы его правления отмечены непрерывными беспорядками, гибелью миллионов людей от голода и репрессий («большой скачок» унес в могилу свыше 50 миллионов человек, а «культурная революция» — более 20 миллионов), превращением Китая в большую тюрьму. Беспощадный приговор выносят Мао Цзэдуну многие китайские демократы. Одни из них склонны признать его заслуги в ликвидации гоминьдановского режима, но все единодушны в том, что он оказался неспособным управлять страной после победы и совершил величайшее преступление, развязав «культурную революцию». В этой связи китайские публицисты напоминают, что Мао Цзэдун любил хвастаться своим умением бороться с Небом, Землей и Человеком. «Разве могут 800 миллионов людей жить, не борясь?» — заявлял Мао. Он говорил, что испытывает радостное удовлетворение от этой

борьбы. Один из китайских авторов замечает по этому поводу, что из-за этой борьбы Китай не стал ни сильной, ни богатой страной, не сумел воспользоваться плодами научно-технической революции и в своем развитии отстал от многих стран Азии, не говоря уже о Японии.

* * *

Мао, если верить слухам, отличался гиперсексуальностью. Среди его любовниц немало признанных красавиц, поэтесс, актрис. Однако ближе всех великому вождю была Чжан Юйфэн, простая уроженка Дунбэя, где женщины, по китайским меркам, не отличаются ни красотой, ни утонченностью.

Во второй половине 1950-х годов, когда в Китае под воздействием доклада Хрущева на XX съезде КПСС начались масштабные мероприятия по укреплению власти, Мао познакомился с проводницей Чжан, обслуживавшей спецпоезд. Чжан Юйфэн внезапно срочно вызвали в Пекин, в государственную резиденцию Чжуннаньхай. Там ей предложили стать новой сотрудницей в штате прислуги вождя.

Частная жизнь Мао Цзэдуна не обсуждалась, более того — было недопустимо даже намекнуть на какие-либо отношения вождя с женщинами. Когда один из секретарей Мао, отстраненный им и попавший в опалу, в разговоре с приятелем стал рассказывать о сексуальном поведении хозяина, вождь отдал приказ расстрелять его за клевету. Благодаря ходатайству других руководителей незадачливый болтун был спасен от смертной казни.

К концу жизни подозрительность Мао стала приобретать маниакальные формы. Совершая поездки по стране, он останавливался в специально построенных домах. Мао никогда не купался в бассейнах, опасаясь, что вода в них отравлена. Если Мао путешествовал железнодорожным транспортом, то в стране сбивался график движения, а на станциях, на которых останавливался вождь, могли появляться только сотрудники охраны и приближенные.

Мао, который проповедовал аскетизм и скромность, не отказывал себе ни в чем. Во время поездок по стране специальные агентства выбирали девушек для его плотских удовольствий. После его смерти многие женщины обращалось в ЦК КПК с просьбой выдать им пособия на воспитание детей, отцом которых был Великий Кормчий.

После знакомства с Юйфэн Мао затосковал. Он потерял

интерес к делам. Грустный, молчаливый бродил он по вагону спецпоезда. На данный момент не выяснено, было ли это так на самом деле, но никому не известная девушка вдруг стала личным секретарем Мао, а затем — секретарем политбюро «по важным делам». Работать с Мао, по словам Юйфэн, было нелегко: днем он спал, а ночью работал.

Мао Цзэдун умер в ночь на 9 сентября 1976 года, за 3 месяца до своего 83-летия. Среди пришедших почтить память Великого Кормчего не было только Дэн Сяопина и Вань Ли, которые в то время находились под домашним арестом. Цзян Цин возложила на гроб белые (цвет траура в Китае) бумажные цветы. К одному из венков она прикрепила черную ленту с надписью: «Моему учителю, председателю Мао Цзэдуну, от ученицы и товарища Цзян Цин».

Путь Мао

Перед нами прошла вся жизнь Великого Кормчего — от его семейных тайн до государственных решений. И все же один вопрос остался без ответа — так в чем же заключалась тайна его обаяния? Почему миллионы людей приходили в экстаз от одного его появления? Почему ему прощались ошибки и заблуждения, приводящие к трагедиям едва ли не мирового масштаба? Как можно было одним проявлением характера, презрев экономические законы, выдернуть из феодальной нищеты целую страну? Что это такое — харизма лидера, заставившая историю идти другим, несвойственным ей, путем?

Психологи довольно плотно изучили явление, получившее название харизма. По их мнению, харизма — это просто обольщение в массовом масштабе. Харизматические лидеры заставляют толпы людей влюбляться в себя, а затем ведут их за собой. Влюбить в себя народ несложно, при этом используется тот же сценарий, что и в случае обольщения одной жертвы.

На примере Мао Цзэдуна это более чем понятно. Изучив секреты обаяния на своих учителях и первых женщинах, он обобщил и расширил их, чтобы использовать на всех окружающих. Как и все харизматики, он обладал определенными, чрезвычайно привлекательными качествами и не стесняясь эксплуатировал их. Такими качествами были вера в себя, решительность и целеустремленность. Он просто излучал их, как бы не отдавая себе в этом отчета.

В лучшие годы его жизни сподвижники Мао Цзэдуна отмечали что его лицо было необыкновенно живым, полным энергии и страсти, у него был вид влюбленного, что всегда крайне привлекательно. Люди с радостью следовали за ним, потому что им нравилось быть ведомыми, ведь им обещали приключения и процветание. Они растворялись, теряли себя, становились эмоционально зависимыми от него, чувствовали, как вера в Мао придает им жизни — словом, влюблялись.

Психологи утверждают, что харизма играет на подавленной сексуальности, то есть следуя за лидером, люди раскрепощаются, позволяют себе испытывать те эмоции и чувства, которым в силу воспитания и религиозных запретов не давали проявляться по отношению к близким людям. И действительно, в Китае шестидесятых (как и в России сталинской эпохи) признаться в любви к лидеру было гораздо проще, чем в чувствах к девушке.

Тысячи лет назад люди верили в различных богов и духов, но мало кто мог сказать, что видел чудо, физическое проявление

божественной мощи. Однако встречались люди, которых, по всей видимости, посещал дух божества — они говорили на неведомых языках, впадали в экстатическое исступление, рассказывали о невероятных видениях — словом, выделялись из общей массы как редкие избранники богов. Такой человек, жрец или пророк, приобретал огромную власть над прочими. Практически все крупнейшие религии были основаны харизматиками — людьми, отмеченными печатью Бога, в которых зримо проявлялись признаки Божьей милости.

Сегодня, однако, чуть ли не о каждом ярком человеке из тех, кто, входя в комнату, сразу привлекает к себе внимание, принято говорить, что у него есть харизма. Но даже у этих современных и не всегда достойных претендентов можно обнаружить следы настоящей харизмы в изначальном понимании этого слова. У них она загадочна и необъяснима, никогда не просматривается отчетливо. Но они обладают необычной уверенностью. У них есть какой-то особый дар — часто это умение гладко говорить, — выделяющий их из толпы. Они могут предвидеть будущее.

* * *

Харизма, как земля в представлении древних, лежит на нескольких китах. Харизматичная личность (кого бы мы ни привели в пример — Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна или Наполеона) отличается рядом вполне определенных черт. Это тайна, праведность, красноречие, театральность, пыл, авантюризм и кое-что еще. Давайте посмотрим, насколько полно проявлялись они в Мао Цзэдуне.

Тайна лежит в основе харизмы (тайна в смысле мистического отпечатка на личности), но, помимо того, существует тайна особая — это загадочность, выраженная в сочетании несочетаемых черт. Харизматик может быть одновременно жестоким и добрым (Петр Первый), экспансивным и хладнокровным (Шарль де Голль), близким и отстраненным (Зигмунд Фрейд). Все эти черты в полной мере были присущи и Мао Цзэдуну. В разные моменты он проявлял разные стороны своей натуры — мог проявить внимание и доброту к незнакомому крестьянину, а мог хладнокровно отправить на казнь жену с маленьким ребенком. Мог быть решительным и многословным, а мог таинственно молчать, выжидать непонятно чего.

О еще одном ярком противоречии говорят практически все библиографы Мао — он был одновременно очень простонародным (любил простую еду, не тратил средства на

шикарные костюмы) и аристократичным (ценил изящество манер и хорошую шутку). Надо сказать, что противоречивые натуры привлекают людей, ведь по большей части все мы предсказуемы, а потому скучны.

Мао Цзэдун демонстрировал свою загадочность понемногу, постепенно, и вызывал постоянное желание обсуждать себя. При всем своем красноречии он постоянно оставлял ощущение некой недоговоренности, и люди живо включались в дискуссию, желая глубже постичь его мысль. Его цитаты ходили как пословицы и поговорки, и каждый находил в них свой смысл и свою глубину.

При этом Мао виртуозно держал дистанцию. Даже самые близкие люди не могли утверждать, что хорошо знают и понимают его. Так он мог не опасаться, что его раскусят. И в любой ситуации имел возможность заявить, что проблема не в его ошибке — а в том, что его неправильно поняли.

* * *

Второй краеугольный камень харизмы — праведность. Многие из нас, чтобы выжить в этом мире, постоянно идут на компромиссы, святые и праведники этого не делают. Они на деле следуют своим идеалам, не заботясь о последствиях. Праведность наделяет харизмой.

Правда, праведность политиков может быть весьма далека от классических канонов. Например, такие далекие друг от друга личности, как Джордж Вашингтон и Ленин, приобрели репутацию почти святых тем, что, несмотря на свою власть, жили скромно и просто, применяя свои политические ценности к собственной частной жизни. После их смерти почитатели буквально обожествили обоих этих деятелей.

Праведность Мао Цзэдуна касалась, в основном, его отношения к материальным ценностям. Как уже неоднократно говорилось, он был крайне неприхотлив в быту, довольствовался малым. Чего стоит один факт, что в период формирования КНР он жил в пещере с земляными полами! Именно эту пещеру пыталась благоустроить последняя жена лидера Цзян Цин.

Что удивительно, даже увлеченность Цзэдуна женщинами (а он практически на протяжении всей жизни имел, помимо жен, еще несколько постоянных или случайных любовниц) воспринималась людьми как одна из сторон его праведности. Впрочем, что нетрудно понять, если вспомнить, что он сам проповедовал свободу любви. Этот постулат, как основа новой жизни и нового общественного строя, очень широко

проповедовался в Китае в конце 50-х годов.

Вот как обосновывал его Мао Цзэдун: «Мужчины в Китае обычно находятся под властью трех сил, представляющих целые иерархические системы… Женщина же наряду со всем этим находится еще и под властью мужчины (власть мужа). Эти четыре вида власти — политическая, родовая, власть религии и власть мужа — отражают феодально-патриархальную идеологию и порядки по всей их совокупности и являются самыми страшными узами, опутывающими китайский народ, в особенности крестьянство. Выше уже описывалось, как крестьяне свергают в деревне власть помещиков. Помещичья власть является тем стержнем, на котором держатся все перечисленные силы. Со свержением власти помещиков расшатываются и власть рода, и власть религии, и власть мужа. Что касается власти мужа, то в бедняцких семьях она всегда была слабее, поскольку женщины в таких семьях в силу экономического положения бедноты вынуждены принимать большее участие в труде, чем женщины состоятельных классов, и поэтому они чаще получают право голоса — и даже решающего — у себя в семье. В последние годы в связи с нарастающим разорением сельского хозяйства оказалась подорванной самая основа подчинения женщины мужчине. В последнее время, с возникновением нынешнего крестьянского движения, женщины во многих местах создали сельские союзы женщин; настала и для них пора поднять голову, и власть мужа расшатывается с каждым днем. Словом, с ростом власти крестьян оказались поколебленными вся феодально-патриархальная идеология и порядки».

Пожалуй, это самый удивительный факт потрясающей харизмы Великого Кормчего. Осуждаемое большинством религий и философских систем сексуальное невоздержание ему не только сходило с рук, но и вызывало дополнительный восторг толпы. Впрочем, объяснение этому можно искать в истории Китая: до начала XIX века многоженство в зажиточных семьях было такой же нормой, как и многодетность.

Кстати, даже свою необузданную сексуальную энергию Мао смог поставить на службу не только себе, но и государству. Он был уверен, что только численное превосходство выведет Китай на новый уровень и поставит его на одну доску со сверхдержавами, такими как СССР и США. И поэтому он призывал своих соотечественников плодиться и размножатся, всячески поощряя рост рождаемости. Китайцам было с кого брать пример — только официально признанных детей у Мао Цзэдуна было не меньше десяти. А уж сколько он наплодил безотцовщины — даже трудно себе представить.

* * *

Еще один несомненный признак харизмы — красноречие и театральность. Харизматику известна власть слов. Причина проста: слова представляют собой самый быстрый способ вызвать бурю эмоций. С их помощью можно воодушевлять, волновать, пробуждать гнев, не предъявляя для этого ничего вещественного. Искусством красноречия можно овладеть. Рузвельт, по натуре сдержанный, аристократичный, сумел сделаться ярким и выразительным оратором благодаря своей медленной, почти гипнотизирующей манере говорить, великолепной образности речи и виртуозному умению использовать аллитерации и библейскую риторику. Нередко его выступления трогали слушателей до слез. Неторопливо-размеренный, уверенный стиль зачастую оказывается более эффективным, чем эмоциональные ораторские всплески: он меньше выматывает слушателей и воздействует более тонко.

Мао был оратором от бога. Его выступления доводили толпу до исступления. При этом он делал упор не на фактах и конкретике — он заводил людей эмоциональными призывами, взывал к бессознательному. Вот только несколько из его известных высказываний: «Сделать что-либо хорошее не так уж трудно; трудно всю жизнь делать только хорошее и не делать плохого, всегда поступать в интересах широких масс, в интересах молодежи, в интересах революции, неизменно вести упорную и самоотверженную борьбу на протяжении целых десятилетий. Вот что самое и самое трудное»; «Трудная работа напоминает ношу, которая лежит перед нами и ждет — посмеем ли мы взвалить ее на себя. Ноша бывает и легкая, и тяжелая. Некоторые предпочитают тяжелой ноше легкую, они выбирают себе легкую и оставляют тяжелую ношу другим. Это неправильное отношение к делу. Но есть товарищи, которые поступают иначе: блага оставляют другим, а ношу потяжелее себе; на лишения идут первыми, а за благами последними. Такие товарищи — хорошие товарищи. Такому коммунистическому духу мы должны учиться».

Если попытаться проанализировать такие речи, можно увидеть, что за ними не стоит ничего, кроме менторства, моралистических поучений на уровне начальной школы (в принципе, Мао и был учителем начальной школы), но люди воспринимали эти слова как веление свыше, как глас самого Господа. Во многом такому восприятию помогала и манера речи коммунистического лидера. Он говорил то тихо и напевно, как добрый и всепрощающий отец народа, то повышал голос до крика, обличая и призывая. Эмоционально восприимчивые люди

доходили до истерики от его речей. Они падали на землю и начинали биться в приступе. Такие случаи происходили неоднократно и были документально засвидетельствованы.

* * *

Если продолжать анализировать секрет обаяния Мао Цзэдуна с точки зрения психологии и искусства манипуляции, то отдельно можно выделить его раскованность. Люди в большинстве своем задавлены комплексами, почти не имеют доступа к собственному подсознанию. Это предоставляет прекрасные возможности харизматичному лидеру: он способен стать своего рода экраном, на который окружающие проецируют собственные потаенные желания и фантазии. Для этого ему в первую очередь необходимо продемонстрировать, что он в меньшей степени скован, чем его аудитория, от него прямо-таки исходит опасная сексуальность, у него нет страха смерти, он восхитительно непредсказуем.

Мао Цзэдун действовал в точном соответствии с этими правилами. Несмотря на периоды острой неуверенности в себе, на широкой аудитории он всегда демонстрировал свою силу и раскрепощенность. Он презирал этикет и условности, мог легко заговорить с любым человеком (если считал это нужным) и также безо всякого зазрения совести — обругать подчиненного. В нем безостановочно текла энергия, и преград для нее не существовало.

Секрет этой энергии и пыла вождя лежал в его глубокой вере в то, что Китай станет великой державой, а ему предначертано вести его вперед. Эта вера была настолько сильной, что ее огонь горел в его глазах, и она оживляла всего действия. Вся его жизнь была крестовым походом ради будущего страны. Это была достойная цель, и именно она придавала убедительности его словам, заставляла людей идти за ним и забывать о своем частном ради общего целого. Мао выступал объединяющей идеей для недовольных, для всех, кто, страдая от разобщенности, испытывал непреодолимую потребность объединиться. Он давал людям то, во что они могли бы уверовать.

Но был и еще один источник сил для вождя — он подпитывался энергией толпы. Доводя людей до экстаза, он сам проникался собственной значимостью и переполнялся сил и вдохновения. Он сознательно манипулировал окружением, постоянно держа людей на пределе эмоционального накала. В такой атмосфере, замешанной на страхе и обожании, у него не было недостатка в энергии.

Но знаете, каким главным секретом он обладал? Мао Цзэдун всегда знал, что общество нуждается в диктаторе. Каких бы слов о демократии и равенстве ни произносили люди, глубоко в подсознании у большинства таится мечта о сильном лидере, за которым можно идти без сомнений и раздумий. Так что на самом деле Великого Кормчего создал не сам вождь китайской революции — его создал народ. И продолжает создавать до сих пор. Не зря, спустя десятилетия после его смерти, китайский народ продолжает превозносить Мао, с теплой ностальгией вспоминая те времена, когда у каждого была красная книжица в кармане, и пусть жилось нелегко, зато и завидовать было некому.

В декабре 1993 года в Китае отмечали 100-летие со дня рождения Великого Кормчего. Накануне юбилея сотрудники одного из научно-исследовательских институтов с помощью компьютера проанализировали труды и выступления Мао Цзэдуна. Выяснилось, что чаще всех (913 раз) он упоминал Карла Маркса, затем — Ленина (613 раз). Что касается лексики, то самые распространенные в устах Мао слова: «революция», «класс», «война», «диктатура», «политика». Самыми знаменитыми политическими лозунгами Мао были такие, как «опираться на собственные силы», «извлекать уроки из прошлого в назидание на будущее», «бунт — дело правое», «винтовка рождает власть», Юбилей Мао Цзэдуна вызвал новый всплеск национальной гордости у многих китайцев. С восторгом писали о том, что флер загадочности и непредсказуемости Председателя Мао часто смущал зарубежных лидеров. Сердца простых китайцев чаще бились от гордости за свою страну, когда они вспоминали о пренебрежительном отношении Великого Кормчего к заграница и о его гегемонистских замашках.

Однако жизненная трагедия Мао Цзэдуна в том, что вся последующая история и день сегодняшний отрицают его социальный эксперимент как аномалию. Великий Кормчий хотел указать путь всему человечеству, но в итоге оказался на обочине истории. Впрочем, кто знает, что будет завтра?

Март 2010: Китай нарастил объем экспорта в полтора раза

Объем экспорта из Китая в феврале текущего года увеличился на 45,7 % и достиг 94,5 триллиона долларов. Об этом сообщает AFP. Экспорт из страны растет третий месяц подряд. Импорт в Китай в феврале также вырос — на 44,7 %.

Увеличение объемов экспорта существенно превысило прогнозы аналитиков, которые ожидали, что

данный показатель вырастет на 35–40 %, отмечает BBC News. Для сравнения, в феврале 2009 года сокращение экспорта составило 25,7 %.

В прошлом году, несмотря на сокращение экспорта на 17 %, Китай все же смог стать крупнейшим мировым экспортером. По этому показателю Китай обогнал Германию.

По итогам 2009 года Китаю также удалось, несмотря на кризис, нарастить золотовалютные резервы до 2,399 триллиона долларов и добиться роста ВВП. Только в четвертом квартале прошлого года китайская экономика выросла на 10,7 % благодаря широкомасштабной антикризисной программе, на которую власти страны запланировали потратить четыре триллиона юаней (585 миллиардов долларов).

Lenta.ru (http://www.lenta.ru/news/2010/03/10/rise/)

notes

Примечания

1

Мао Цзэдун. «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань», март 1927 года, Избранные произведения, т. I.

2

Мао Цзэдун. «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань» (март 1927 года), Избранные произведения, т. I

3

Мао Цзэдун. «Борьба в Цзинганшане» (25 ноября 1928 года), Избранные произведения, т. I

4

Мао Цзэдун. Против либерализма (7 сентября 1937 г.)

5

Мао Цзэдун. Против либерализма (7 сентября 1937 г.)

6

Мао Цзэдун. О затяжной войне (май 1938 г.)

7

«Обстановка после победы в войне Сопротивления японским захватчикам и наш курс» (13 августа 1945 года), Избранные произведения, т. IV.

8

Мао Цзэдун. Заключительное слово на Совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани (23 мая 1942 г.)

9

Мао Цзэдун. О переговорах в Чунцине (17 октября 1945 г.). Кроме того, Мао писал в письме к Цзян Цин 8 июля 1966 г.: «В конце [письма] привожу все те же два старых высказывания: перспектива светлая, путь извилистый»

10

Мао Цзэдун. Выступление на Верховном государственном совещании (13 октября 1957 г.). Пер. с англ. О. Торбасов. Из этого фрагмента широко известна только некорректно обрезанная фраза «не нужно читать много книг».

11

Мао Цзэдун. Речь на юбилейной сессии Верховного Совета СССР в честь 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (6 ноября 1957 г.)

12

Письмо Мао Цзэдуна к Цзян Цин от 8 июля 1966 г.